

Наваждение. Проклятые элохимы

Автор:

[Алина Углицкая](#)

Наваждение. Проклятые элохимы

Алина Углицкая

Его раса покорила Вселенную, но не смогла избавиться от проклятья. Стиксу Хасселю осталась всего пара месяцев, а потом его разум погаснет, и он превратится в Зверя. Есть только один способ задержать неизбежное: встретить женщину, что пробудит в нем чувства. Но как удержать незнакомку тому, кто не может к ней прикоснуться? Ведь Стикс – действующий Лорд Смерти, палач, убивающий случайным касанием.

Айна Девьяри ненавидит таких, как Стикс. Для нее он смертельный враг. Чужая воля сводит их в нужном месте и в нужное время. Теперь между ними начнется игра, приз в которой – право на жизнь.

В оформлении обложки использованы фото с сайта depositphotos. Дизайн: Nina Neangel

Алина Углицкая

Наваждение. Проклятые элохимы

Глава 1

Айна бежала сквозь ночь.

Падала. Поднималась и снова бежала, увязая по колена в снегу.

Они приближались.

Она не видела их, но чувствовала. Серые размытые тени, бесшумно скользящие в темноте. Обрывки тумана...

Налетевший ветер свалил ее с ног.

Айна упала, перекатилась и тут же вскочила.

Нельзя оставаться на месте. Нельзя! Нужно двигаться и только вперед. Пока у нее есть силы бежать – есть шанс спастись.

Пусть ничтожный, пусть рискованный, но все-таки шанс.

Иначе – поймают.

Впереди сквозь пелену снега показались огни. Бесформенные желтоватые пятна.

Айна выдохнула, выравнивая дыхание, и ускорила бег. Еще рывок – и вылетела к ограде.

Путь преградил забор из частогокола чугуновых пик, украшенных острыми наконечниками. Он простирался в обе стороны, насколько хватало глаз, и терялся в метели. Ни обойти, ни перепрыгнуть. За ним, метрах в двадцати, темнел спасительный дом.

Жилище.

Там люди.

Там свет и тепло.

Сверху на Айну смотрел глазок крошечной камеры. Она бы ее не заметила, если бы не мигающий огонек.

- Эй! - девушка помахала руками. - Откройте!

Камера работала, записывая все, что происходит в радиусе нескольких метров. И такие камеры подмигивали вдоль забора, насколько хватало глаз.

Немного отдышавшись, Айна повторила попытку:

- Пожалуйста! Меня кто-нибудь слышит?!

Раздалось шипение динамика, и сухой мужской голос недовольно изрек:

- Хозяин не принимает. Уходите.

Она растерянно отступила на шаг.

А чего ожидала? В этом квартале живут богатеи. Они не боятся ночных призраков. Между ними и порождениями кошмаров стоит крепкий охранный контур. Даже сейчас он потрескивает и искрится на концах острых пик.

- Откройте! Пожалуйста! - Айна схватилась за решетку и затрясла изо всех сил. Грохот железа перекрыл ее голос. - Позвольте хотя бы пройти за ворота. У вас есть охранный контур. Позвольте остаться во дворе до утра!

- Хозяин не принимает.

С тихим щелчком переговорное устройство отключилось. Глазок камеры тоже погас.

Девушка замерла. Она задрала голову вверх, все еще на что-то надеясь. Но изнутри уже поднималась волна леденящей паники.

Это все. Это конец.

Она не доживет до утра. Такая нелепая смерть...

Горло сдавили слезы.

Айна обреченно развернулась спиной к воротам и сползла вниз. Прямо в снег. Сжалась, надеясь хоть так сохранить остатки тепла в коченеющем теле. Спрятала в рукава озябшие пальцы. Нахохлилась.

Утром кто-нибудь выйдет и найдет ее труп. Или то, что от нее оставят Псы Тенганара.

Что ж, сама виновата. Каждый в Ермене знает: когда наступает полярная ночь, на улицы города выходят чудовища, а матери прячут своих дочерей. Потому что хищных тварей притягивает запах невинности.

– Джино, кто там?

Тихий, чуть хриловатый голос нувэра Хасселя заставил охранника внутренне вздрогнуть.

Опять не уловил его приближения!

Джино обернулся вместе с креслом.

– Побирушка какая-то, мой нувэр. Она не стоит вашего внимания.

Бесстрастный взгляд Хасселя скользнул по экранам. На сотую долю секунды впился в фигурку, съезжившуюся под воротами. И, не задерживаясь, не проявив ни единой эмоции, мазнул по охраннику.

– Впусти. И проводи в каминный зал.

– Но...

– Выполняй.

Нувэр вышел, ступая бесшумно, как большой хищный кот. А Джино замер с раскрытым ртом, подавившись собственными словами.

Вот уже три года он работает в этом доме. И за все это время нувэр Хассель ни разу не повысил голоса, ни разу на его холодном лице не проскользнуло ни единого чувства. Истинный элохим – бесшумный, бесстрастный и беспощадный.

Порой охраннику казалось, что его хозяин – машина, одна из тех механических кукол в оболочке из синтетической кожи, которых выставляют в витринах дорогих бутиков.

И в то же время было в нем что-то пугающее. Что-то такое, от чего у взрослых мужчин при виде него кровь стыла в жилах.

Никто не знает, откуда пришли элохимы. Просто однажды в разных местах Земли над самыми крупными городами открылись порталы, из которых шагнули загадочные существа, так похожие на людей и в то же время превосходящие их во всем. Сильные как титаны, красивые как ангелы, коварные и ненасытные как демоны. Самое страшное человеческое оружие оказалось бессильно против них.

Это случилось в начале двадцать первого века.

Кто-то из СМИ назвал пришельцев элохимами за сверхчеловеческие способности, и это название прижилось. Но сами они называют себя иначе – Сыны Тенганара.

В короткие сроки элохимы захватили все страны, уничтожили военную мощь и многие технологии, отбросили человечество в девятнадцатый век, стерли границы и ввели свои правила. Они упразднили войны, болезни и голод. Запретили деление на страны, нации и языки. Отменили религию и традиции. Люди стали едины. На Земле воцарился мир, но...

Человечество стало пленником в собственном доме.

С тех пор прошло сто лет. За это время люди привыкли, смирились, научились существовать рядом с сильным и опасным соседом. А такие, как Джино, даже не знали, что когда-то было иначе. Он родился в эпоху, когда элохимы уже правили миром.

Справившись с замешательством, охранник вернулся к панели управления.

– Слушаюсь, мой нувэр, – пробормотал сиплым голосом.

Девчонку жалко, чего уж там. Молоденькая совсем. И лучше бы ей замерзнуть в снегу, чем войти в эти двери. Но нувэру нельзя возражать, нельзя перечить...

Если не хочешь лишиться теплого места...

Рука охранника замерла над нужным тумблером, а потом решительно опустилась. Раздался щелчок.

– Входите. Вас ждут.

Они приближались. Красные огоньки, мерцающие сквозь завихрения вьюги. С каждым ударом сердца они подбирались все ближе.

Айна чувствовала, как они подступают, как ледяные щупальца проникают под куртку, под кофту, оплетают тело колючей проволокой, трогают кожу острыми иглами...

Она закрыла глаза.

Не видеть. Не чувствовать.

Если ее судьба умереть этой ночью, то пусть это случится быстро.

Но вряд ли ей будет позволена быстрая смерть. Сначала Псы вдоволь натешатся с ее разумом, наиграются с ее страхами. Пока она сама не начнет молить их о смерти.

Если бы только она приняла предложение Фила! Сейчас была бы надежда спастись!

Псы реагируют только на девственниц. Опознают их по запаху, по каким-то флюидам. Идут по следу как ищейки, не сворачивая с пути. Они настигают жертву везде, где бы она ни была. Никакие запоры и двери не могут остановить тех, кто почуял добычу.

Разве только охранный контур. Тот самый, который сейчас мерцает над головой. Эти крошечные синие искорки – спасение, такое близкое и в то же время недостижимое. Как звезды на небе.

По щеке Айны скатилась слеза и тут же застыла крошечной льдинкой. Посиневшие губы с трудом шевельнулись, беззвучно шепча молитву.

Если она не может спасти свою жизнь, то хотя бы спасет свою душу...

В этот момент за спиной дрогнула решетка ворот. Над головой прозвучало:

– Входите. Вас ждут.

Она не сразу поняла, что обращаются к ней. А когда поняла, то не поверила своим ушам. Поднялась с трудом, пошатнулась и растерянно заморгала, глядя на приоткрытую створку ворот. Обхватила себя руками. Метель уже улеглась, и теперь снег крупными хлопьями ложился на плечи и голову девушки.

– Да входи уже! – рявкнул голос в невидимом динамике. – Второй раз повторять не буду!

Окрик заставил Айну очнуться.

Она торопливо толкнула ворота, проскользнула сквозь щель в заснеженный двор.

За спиной раздались металлический щелчок и гудение – это сработал электронный замок. И буквально секундой позже – удар. Что-то тяжелое с размаху налетело на решетку.

Вспыхнул охранный контур, и сноп голубых искр взвился фонтаном. Тишину огласил хриплый утробный вой.

Девушка инстинктивно отпрыгнула и обернулась.

За воротами, там, где она сидела минуту назад, на снегу лежала огромная серая тень. Дергала лапами в предсмертной судороге и хрипела. Еще несколько теней замерли в отдалении, не решаясь приблизиться.

Айна тоже застыла. Ее сердце пропустило удар.

Псы Тенганара.

Твари, которых элохимы притащили с собой из своей преисподней, чем бы она ни была и где бы ни находилась.

До сих пор ей не доводилось видеть этих существ так близко.

Обычно они не приближаются к людям, но во время полярной ночи все меняется. Псы сбиваются в стаи, с каждым днем их становится больше и больше. Они умеют двигаться бесшумно и быстро, как тени, скользят по снегу, не оставляя следов. А учуяв добычу, преследуют до последнего, пока не загонят...

Айна не раз слышала от людей, что эти твари разумны. Но опровергнуть или подтвердить эти слухи никто не мог, потому что никто из столкнувшихся с Псами не выжил.

Она зачарованно уставилась на существо.

Зверь отдаленно напоминал крупного волка. Только вместо шерсти его тело покрывали бронированные пластины, а клыки, выглядывающие из широкой пасти, сделали бы честь любой акуле. Хвост зверя – длинный и гибкий – топорщился ядовитыми иглами, утолщение на конце походило на булаву.

Сейчас Пес скреб мощными лапами по земле и хрипел. Из его пасти на снег падали хлопья розовой пены, но глаза продолжали гореть красным потусторонним огнем.

Взгляд Айны скользнул по поджарому телу. Замер, столкнувшись со взглядом Пса. Она замешкалась всего на секунду, но этой секунды вполне хватило, чтобы провалиться в алое марево.

Голод. Страсть. Адская жажда.

Звериная похоть, что заставляет нервы скручиваться узлом, а позвоночник выгибаться от боли.

Вот что она увидела в этих глазах.

Чужие эмоции ударили в нее с силой цунами. Пронзили насквозь. Заполонили сознание яркими образами, от которых к горлу поднялась тошнота.

Девушка пошатнулась. Под давлением чуждого разума ее тело начало медленно оседать...

Она бы свалилась в снег, но кто-то схватил ее сзади за плечи и хорошенько встряхнул.

– Ты что творишь, сумасшедшая? – гаркнул над ухом смутно знакомый голос. – Жить надоело?!

Мужчина в шинели с золочеными пуговицами поднес фонарь поближе к ее лицу. В его глазах мелькнули тревога и понимание. Один вздох – и хлесткая пощечина обожгла щеку Айны, заставив девушку мотнуть головой.

Вздвогнув, она прижала ладонь к горячей щеке. Вскинула на незнакомца ошарашенный взгляд.

Тот схватил ее за свободную руку и, не давая прийти в себя, потащил за собой.

– Вот чертова самоубийца на мою голову! – прошипел мужчина сквозь зубы. – Тебя что, не учили, что нельзя им в глаза смотреть?!

Мысли все еще плавали в странном тумане, навеванном чужим разумом. Айна осознала, что обращаются к ней, осознала, что ее куда-то тащат с такой скоростью, что она спотыкается и загребает ногами снег. Но у нее уже не осталось сил, чтобы ответить или вырвать руку из крепкой хватки.

Вот и крыльцо. Украшенный барельефом фасад. Десяток широких ступеней, колонны, имитирующие древнегреческий портик. Широкая арка.

В глубине темнеет массивная дверь.

Айна едва успела окинуть здание взглядом, когда незнакомец втащил ее на крыльцо, распахнул дверь и буквально швырнул через порог.

Каким-то чудом ей удалось устоять на ногах.

– С-спасибо... – выдавила, выбивая зубами чечетку.

Только теперь, оказавшись в тепле, она поняла, что едва не погибла. Смерть была так близка. На расстоянии вдоха.

– Благодарю не меня, а нувэра Хасселя! – буркнул нежданный спаситель. – Я бы тебя, бродяжку, на порог не пустил.

Захлопнув дверь, он толкнул девушку вглубь пустого и гулкового холла.

Айна немного замешкалась, оглядываясь по сторонам. Такой роскоши она еще не встречала. Кем бы ни был владелец особняка, он явно не нуждался в деньгах. Чего только стоил голубой китайский нефрит. Редчайший камень, из которого в старину вытесывали троны для императоров Поднебесной империи. А здесь он лежит у нее под ногами! Или колонны из малахита, покрытые неповторимым узором, созданным самой природой.

– Ну, чего зазевалась? Идем!

Едва поспевая за своим проводником, девушка пересекла холл. Здесь начиналась лестница, ведущая на второй этаж, под ней темнела узкая дверца. Мужчина открыл ее и коротко рыкнул:

– Раздевайся!

Айна растерянно заглянула внутрь, потом уставилась на него.

Помещение было маленьким, узким, предназначенным для хозяйственных нужд. И всю его скромную площадь занимали ведра и швабры.

– Р-раздеваться? – переспросила она.

И невольно стиснула рукой мокрый ворот.

От тепла снег растаял и впитался в куртку. Но это еще полбеды. Во время сумасшедшего бега она набрала снег в сапоги. Он тоже растаял, и сейчас она ощущала, как вода хлюпает между пальцев при каждом шаге.

Айна с радостью сбросила бы мокрые тряпки и забралась в горячую ванну. А потом бы выпила липовый чай с медом и закуталась в ватное одеяло. Она непременно сделала бы все это, если бы была дома.

Но здесь...

– Куртку снимай! И обувь!

Мужчина поморщился.

Сообразив, что раздеваться догола от нее никто не требует, Айна стащила мокрую куртку и избавилась от сапог.

- Носки тоже снимай! - незнакомец впихнул ей мужские тапки. - Вот же морока!

Девушка подчинилась.

Не зная, что делать с носками, свернула в клубок и засунула в левый сапог.

- Только не выбрасывайте, - попросила на всякий случай. - Мне их подруга связала.

- Буду я еще твоим тряпьем заниматься, - фыркнул мужчина. - Идем.

Они направились вверх по лестнице. Только тогда у Аины в голове щелкнула нужная кнопка.

- Это ваш дом? - она с подозрением уставилась на незнакомца.

- Нет, нувэра Хасселя. Я всего лишь охранник. Кстати, Джино Рамино, для тебя эрн Рамино.

- А... Айна...

Она неуклюже запнулась о ступеньку, а внутри все сжалось от понимания.

Ее занесло в дом элохима. Только их называют нувэрами. В переводе с их языка нувэр это тот, кто стоит над эрнами - человеками. Высшее существо.

– Тебе сюда, – буркнул Джино, оставляя Айну возле резных дверей.

И неторопливо направился вниз.

Девушка застыла столбом. Ее взгляд прикипел к отблескам света, играющим на лакированной черной поверхности. Скользнул вверх, цепляясь за завитушки филигранной резьбы, потом вниз и остановился на ручке. Та была сделана в виде цветка из золотистого металла, в центре которого сверкал и переливался прозрачно-голубой камень.

Черное дерево, золото и топаз.

Для внучки ювелира не составило труда отличить драгоценный камень от обычной стекляшки. То, что она сейчас видела, быть стеклом никак не могло.

Осознав это, она невольно шагнула назад, к лестнице. Оглянулась растерянно.

Может, сбежать?

Но куда? Там, за воротами особняка ее ждет верная смерть. Придется войти в эту дверь и встретиться с тем, кто позволил ее впустить. Засвидетельствовать ему свое низжайшее почтение и, конечно же, благодарность за спасение своей никчемной жизни.

Эта мысль заставила Айну передернуть плечами. В глубине души вспыхнул гнев.

Элохимы! Все беды от них. Это они привели с собой тех жутких тварей. А теперь ей придется благодарить одного из них за то, что случилось по его же вине!

Гнев придавал храбрости. Стиснув зубы, Айна схватилась за ручку и толкнула дверь.

Шагнула через порог, исподлобья оглядывая комнату. Но с первого взгляда хозяина не нашла.

Здесь тоже все кричало о несметном богатстве. Панели на стенах, картины в тяжелых рамах, белоснежный ковер из шкуры полярного медведя с лапами и

головой. Украшенный малахитом камин...

Кажется, владелец особняка равнодушен к этому камню.

Взгляд девушки зацепился за кресло возле камина. С порога она видела только высокую спинку, но стоило глянуть в его сторону, как сердце упало в пятки. Сработала интуиция.

Кем бы ни был хозяин дома, он там. В кресле.

И словно в ответ на ее сумбурные мысли кресло медленно развернулось.

Для Стикса Хасселя человеческие женщины были сродни запретному плоду. Как сладкий десерт для диабетика. Вроде и хочется нестерпимо, но понимаешь, что это себе во вред.

Правда, в случае Стикса не столько себе, сколько случайной красавице, попавшей в его постель. Одна женщина – одна сладкая ночь. А наутро один женский труп.

Он утешал себя тем, что они умирают счастливыми. Ласкал до последнего вздоха, который выпивал с поцелуем. И они действительно отходили в мир иной с улыбкой на устах, некоторые все еще содрогаясь в оргазме.

Стикс был благодарен каждой из них за подаренные мгновения. За нежность, чувственность и трогательную покорность, которой нет и никогда не будет у женщин его расы.

И ненавидел свой дар. Или, точнее, проклятье.

Иногда такое случалось. Самых сильных своих детей Тенганар отмечал особо. Это было огромной редкостью и очень ценилось в определенных кругах. Но

Стикс с радостью обменял бы «подарок» на возможность жить простой жизнью.

На возможность прикоснуться к женщине и знать, что она не умрет после этого. На возможность трогать лепестки цветка и не видеть, как они осыпаются. На возможность погладить собаку... и услышать залиvistый лай вместо предсмертного хрипа.

Он был тем, кто носил титул третьего Лорда Смерти. Тем, кого соплеменники окрестили Палачом. Тем, на кого даже Префект смотрел со страхом и уважением. Потому что такие, как Стикс, были карающей дланью самого Кесаря.

Плеснув вина в хрустальный бокал, он сделал глоток. Опустился в кресло напротив камина и замер, наблюдая за пламенем.

Языки огня танцевали на ложе из дубовых поленьев. Отблески пламени отражались в натертом паркете. А из глубины дома, с первого этажа, поднималась волна страха и замешательства.

Девчонка.

Джино впустил ее, как было приказано. Но глупая человечка продолжает трястись от страха.

Стикс сделал еще глоток. Поднял бокал и посмотрел на огонь сквозь золотистую жидкость в бокале.

На Тенганаре виноградников нет. Там давно уже ничего не растет. А сейчас у него в руках богатство, за бутылку которого на родной планете отдадут целое состояние.

Только почему дорогое вино горчит?

Стикс нахмурился, вслушиваясь в свои ощущения.

Нет, не вино.

Это снова девчонка.

Стоит под дверями и злится, но эта злость смешана с горечью. Вот шагнула назад, не зная, на что решиться.

Сбежит или нет?

Стикс усмехнулся, заключая пари с самим собой.

Не сбежала.

Толкнула дверь. Та бесшумно раскрылась.

Шагнула через порог и застыла испуганным кроликом.

Зачем он ее впустил?

Стикс не мог дать внятный ответ. Просто почувствовал что-то странное, непривычное, когда увидел ее, сжавшуюся под воротами.

Жалость? Нет, вовсе не жалость. Что-то другое, назойливое как зуд.

Он поддался внезапному порыву, который даже не мог объяснить.

Ну все, кажется, он дал ей достаточно времени, чтобы осмотреться.

Допив вино, Стикс поставил бокал на широкий лакированный подлокотник и не торопясь, чтобы не спугнуть добычу, развернулся вместе с креслом.

Девушка стояла на пороге, как он и предполагал. Невысокая, в сером вязаном свитере, скрывающем изгибы фигуры, и синих болоньевых штанах с мокрыми пятнами на коленях. Ее влажные светлые волосы были гладко зачесаны и открывали высокий лоб.

Стикс отметил правильные черты, настороженный взгляд, напряженную позу.

Хороша, но пуглива. Как сексуальный объект она его не заинтересовала. Он предпочитал женщин другого уровня, а не нищих девчонок с выпрыгивающим сердцем и сжатыми добела губами.

Впрочем, если ее губы разжать, они будут вполне ничего...

Он представил, как подходит к ней очень близко и проводит пальцем по этим губам, стирая с них напряжение. Они раскрываются перед ним как цветок, и он проталкивает палец внутрь, а девчонка охватывает его губами, касается языком и затягивает в горячую, влажную середину...

Девчонка вздрогнула, разрушая фантазии Стикса. Будто прочла его мысли.

Он увидел, как дернулась венка на ее горле, как заметался взгляд, ища пути к отступлению. И негромко проговорил:

- Что заставило тебя выйти на улицу в комендантский час? Разве не знаешь, чем это может грозить?

Черт! Конечно же, она знает! И никогда бы не подвергла свою жизнь опасности, если бы не потребовали обстоятельства!

Айна хотела бросить это в лицо мужчине, который сидел перед ней.

Откинувшись на спинку кресла и положив ногу в дорогой белоснежной туфле себе на бедро, нувэр Хассель сканировал ее взглядом. Черноволосый и бледнокожий, как все элохимы. С тонкими и в то же время хищными чертами.

Больше всего на его лице выделялись глаза: два черных омота без белков, в центре которых алел двойной звездообразный зрачок. Они притягивали и завораживали, пронзали насквозь. Под этим взглядом она чувствовала себя беззащитной. Больше того – уязвимой. Как мышка в клетке с орлом.

Он смотрел пристально, но без эмоций, терпеливо ожидая ответ. Айна поняла, что не сможет соврать.

Впрочем, сказать правду – тоже.

Придется изворачиваться, чтобы избежать опасной темы.

– Я... я засиделась в гостях, нувэр. Примите мою благодарность за то, что впустили в свой дом.

Слова давались с трудом. Особенно слова благодарности тому, кого она считала захватчиком и врагом. Айна вытолкнула их из себя и медленно опустилась на колени под немигающим взглядом мужчины.

Нувэр Хассель должен принять ее благодарность и разрешить подняться.

Таковы правила. Она никто – жалкая человечка. Прах из праха и в прах уйдет. А он элохим – практически божество. По меркам людей недостижимый, всемогущий и вечный.

Она опустила голову и уткнулась взглядом в пушистый ковер. Мелькнула глупая мысль: жалко мишку. Голова полярного медведя оказалась в двух метрах от нее и загадочно поблескивала темными глазами. Казалось, что мертвый медведь ей подмигивает.

Но хозяин не торопился.

Айна услышала, как он поднялся. Невольно сжалась, почувствовав легкие, почти беззвучные шаги. Он обошел ее сзади и замер. Так близко, что от ощущения его тела по ее коже побежали ледяные мурашки.

Она вздрогнула, невольно поднимая глаза. Взгляд уткнулся в полированный бок секретера. В нем отражался каминный зал и она, стоящая на коленях, и мужчина, застывший за ее спиной.

Айна нервно сглотнула. Закусила губу.

Что ему нужно? Почему он просто не скажет ей встать?

В голове метались сумбурные мысли, сдобренные вспыхнувшей паникой.

Но Хассель молчал, глядя на нее сверху вниз. А потом протянул руку к ее голове.

Она внутренне сжалась, когда увидела это. И лишь секунду спустя поняла, что он не коснулся ее волос. Только вытащил шпильки.

Волосы Айны золотистой блестящей волной упали на плечи.

Нувэр мягко шагнул и встал перед ней.

- Подними голову, - раздался бесстрастный приказ.

Айна дернулась, но подчинилась. Элохимам все подчиняются. Иначе - никак.

- Так ты выглядишь гораздо лучше, - констатировал он, изучая ее лицо. - Мне нравятся твои волосы, необычный цвет.

В темных глазах мелькнуло удовлетворение. Сродни тому, что испытывает коллекционер, заполучив в свою коллекцию редкостный экземпляр.

- Я принимаю твою благодарность. Поднимайся. Можешь обращаться ко мне «нувэр Хассель». Надеюсь, ты любишь вино?

Глава 3

Последнюю фразу он произнес, уже отвернувшись и направляясь к буфету.

Высокий, изящно сложенный, как любой элохим, он двигался с плавной грацией хищника - бесшумно и почти невесомо. Но в то же время песочные брюки и

голубая рубашка навыпуск не скрывали тренированных мышц.

Айна знала: вся эта мягкость и хрупкость очень обманчивы. Когда-то люди попались на эту уловку.

Она поднялась, продолжая сверлить его недоверчивым взглядом. Привычным жестом провела руками по голове, собирая волосы обратно в пучок.

– Оставь, – долетел тихий голос.

Как? Он даже не оглянулся!

Она растерянно опустила руки.

– Иди сюда.

Хассель не повысил голоса, наоборот, говорил очень тихо, спокойно. Но от его низкого, чуть хриповатого тембра у Аины внутри все скрутилось в клубок. И не было ни единого шанса не подчиниться. Этот голос связал ее волю.

Она приблизилась к элохиму. Неуверенно замерла, не доходя двух шагов.

Мужчина колдовал над бокалами.

– Знаешь, – заговорил, все так же не глядя на нее, – мне кажется, вино – это лучшее что создали люди.

Он развернулся и протянул ей бокал. Его лицо оставалось спокойным. Взгляд – бесстрастным.

– А ты как считаешь?

Она не сразу поняла, что вопрос адресован ей. Засмотрелась в его глаза.

Очнувшись, торопливо схватила предложенный бокал. Он оказался довольно горячим. От красной жидкости в нем поднимался аромат цитруса и гвоздики.

- Что это? – удивленно моргнула.

- Глинтвейн, – Хассель пожал плечами. – Кажется, так его называете вы.

Вы – это люди.

- Д-да... кажется...

- Как тебя зовут?

- Айна.

- Милое имя. Сколько тебе лет?

- Двадцать... три...

Айна не знала, как реагировать. Элохим сделал ей, человечке, глинтвейн? Уже то, что он впустил ее в дом и предложил напиток – верх ожиданий. Она не смеет требовать большего.

Но вот он, бокал в ее руках, ласкает теплом замерзшие пальцы.

- Пей. Тебе же нужно согреться? – в голосе элохима был слышен вопрос. – Вы, люди, неустойчивы к колебаниям температуры.

Под его немигающим взглядом она сделала пару глотков. И поняла, что он прав. Ей просто необходимо согреться. Несмотря на довольно теплый воздух, ее все еще продолжал бить озноб.

Горячая жидкость с терпким вкусом и пряным ароматом наполнила рот. Скользнула по пищеводу в желудок, и Айна облегченно вздохнула.

Внутренний холод сменился теплом.

– Присаживайся, – нувэр Хассель кивнул на одно из кресел возле камина. – Поближе к огню. Расскажешь, как ты оказалась на улице в столь позднее время. И почему у тебя до сих пор нет мужчины.

Последний вопрос ввел Айну в ступор.

Как он узнал? Как Псы, по запаху, что ли?

Глядя на элохима с опаской, она все-таки опустилась в предложенное кресло. Напряженная, готовая в любой момент вскочить и бежать. Нервно сжала бокал.

Но бежать некуда, а хозяин дома смотрит и ждет ответ. Небрежно поигрывает бокалом с красной тягучей жидкостью. Так, что сверкает синий камень на тонком мизинце.

Айна невольно залюбовалась перстнем. Чистая, прозрачная глубина камня притягивала взгляд, каждая грань отражала сотню цветов и оттенков. С первого взгляда понятно, что это сокровище стоит бешеных денег. И оно гораздо ценнее, чем жизнь одной человечки.

– Я слушаю, – голос Хасселя оборвал ее мысли.

Айна попыталась сложить губы в улыбку.

Черт, почему она так нервничает? Он же ей ничего не сделал!

– Простите, задумалась.

Для храбрости еще глотнула вина. Оно растеклось по венам пряным теплом. И Айна наконец-то смогла улыбнуться:

– Я задержалась в гостях.

- Это я уже слышал. У кого ты гостила?

- У... тети. - Она запнулась, удивленная новым вопросом. Зачем ему такие подробности? - Перепутала omnibus и случайно оказалась здесь.

- Почему не взяла такси?

Она хмыкнула и прикрылась бокалом.

От вина в голове стало легко. Да и тепло камина располагало к тому, чтобы немного расслабиться.

- Я не настолько богата, - призналась девушка.

- И никто из мужчин тебя не проводил?

- Как видите, - она развела руками.

На ее щеках заиграл горячий румянец.

Айна поставила бокал и прижала ладони к щекам.

- Щеки горят, - прошептала в ответ на взгляд элохима. - Наверное, от вина.

- Оно слабое. Почему у тебя нет мужчины?

- Ну, так... не сложилось.

Не рассказывать же ему про Фила и его идиотскую попытку переспать с ней, прикрываясь заботой?

Стоило Аине вспомнить этот неприятный момент, как загудела ладонь. Та самая, которой она отвесила пощечину своему незадачливому поклоннику.

Филипп Беннот был ей как брат. И он никогда не позволял себе перейти ту грань, что обозначила Айна.

Никогда. До сегодняшнего вечера.

Воспоминания нахлынули неприятным потоком. И девушка не сдержалась, поморщилась. А потом залпом допила остывший глинтвейн.

– Я еще не встретила «своего» мужчину, – усмехнулась, ставя пустой бокал.

Хассель тоже отставил бокал. Его пронизательный взгляд прошелся по Айне, отмечая все изменения.

– Ты же знаешь, что сама привлекла стаю Псов? Комендантский час однозначен и направлен на то, чтобы оградить от опасности таких, как ты.

– Девственниц, хотите сказать? – фыркнула девушка, уже не чувствуя перед элохимом прежнего трепета.

Наверное, это вино виновато. А еще этот камин. И мягкое кресло. И чуть приглушенный свет. И, конечно же, теплые меховые тапки, в которых ее ноги просто блаженствуют.

– Девственниц, – повторил эхом хозяин дома и немного подался вперед.

Крылья его тонкого носа едва заметно затрепетали.

Хассель протянул руку к лицу гостыи, но не коснулся. Его пальцы замерли на расстоянии миллиметра. Миг – и рука опустилась. Мужчина выдохнул сквозь сжатые зубы и откинулся на спинку кресла.

Айна проследила за его движением. Где-то внутри ее расслабленного сонного тела всколыхнулось легкое удивление.

Он хотел прикоснуться к ней. Почему передумал?

Хассель поднялся, будто ничего не случилось, забрал ее бокал, на миг отлучился и принес уже полный.

- Где ты живешь? - новый вопрос.

Ну, вот почему он такой любопытный? Что-то она не слышала, чтобы властители мира так интересовались простыми людьми.

- В Южном квартале.

- А улица?

- Тополиная.

Он потер подбородок. Таким простым, человеческим жестом, что Айна едва не хихикнула.

- Я знаю, где это. Непокойный район.

Ага, еще бы не знать. Уж там было кому постараться сделать его «непокойным», чтобы такие, как этот Хассель, даже носа туда не совали.

Наверное, что-то отразилось у нее на лице. Потому что нувэр внезапно добавил:

- Переночуешь здесь. Хлоя покажет свободную комнату. А утром я тебя отвезу.

Айна едва не подавилась вином.

- Отвезете? - уставилась на элохима. - Вы? Меня?

- Тебя что-то смущает?

- Нет... - она осеклась. - Вовсе нет...

Элохимам не отказывают! Их внимание принимают как бесценный дар. Любая из подруг и знакомых Аины почку свою бы отдала за возможность войти в этот дом,

пить это баснословно дорогое вино, нежиться в кресле перед камином...

Но за такое внимание платят обычно собственным телом.

Элохимы любят развлекаться с человеческими женщинами. Впрочем, с мужчинами тоже. Они даруют им неземное блаженство – такой физический и эмоциональный экстаз, что после него секс с обычным человеком уже не прельщает. Они, как инкубы из старых книг, воплощают в реальность самые грешные, самые порочные фантазии человеческого разума, доводят ощущения до невыносимой остроты и низвергают в бездну дурмана.

Это нельзя забыть. Нельзя испытать вторично. И тот, кто однажды оказался в постели элохима, уже никогда не станет прежним.

А нувэр Хассель отпускает ее нетронутой. И даже не пытается прикоснуться.

Разве это не странно?

Стикс следил за гостьей, как хищник за беспечной добычей. Наблюдал. Изучал, не упуская ни единого жеста, ни единой эмоции на лице.

Она смаковала дорогое вино с пряностями, не ощущая, что ее щеки розовеют, а глаза начинают искриться. Не понимая, как притягательна и хороша даже в этом нелепом бесформенном свитере с толстым горлом.

Еще одна бабочка, попавшая в его сети. Еще один мотылек, притянутый огоньком.

А он определенно начинает испытывать к ней интерес.

Если стащить с нее все эти тряпки, она будет вполне ничего. Личико милое, еще не утратило детской округлости. В глазах – переливы эмоций.

Она настоящий неограниченный алмаз, совершенно не умеет контролировать чувства. Все они у нее на лице. Сладкие, нежные, чуть терпковатые, с легкой горчинкой, с капелькой остроты. Тысячи оттенков и вкусов, которые так приятно перекачивать на языке, пропускать через себя и наслаждаться.

Такую, как Айна, хочется смаковать долго и трепетно. Раз за разом открывая все новые грани ее ощущений.

Он уже протянул руку к девушке. Почти коснулся ее. Почти ощутил гладкость кожи...

Но в последний момент опомнился.

Не сейчас. Нужно подумать о более важных вещах.

Например, о времени, что стремительно утекает сквозь пальцы.

У него всего месяц, чтобы найти решение своей... проблемы, как это ловко назвал Префект. Ему нужна женщина. Та, на которую откликнется внутренний зверь. Та, которой подчинится истинная сущность тенганарца.

Люди называют таких, как он, элохимами – божествами. Верят, что власть элохимов незыблема, а сами они бессмертны.

Что ж, с точки зрения людей, все так и есть. Но с точки зрения Стикса – совершенно иначе.

Он прожил свой срок. И скоро Зверь возьмет власть в свои руки. Зверь, которого невозможно обуздать и загнать в рамки. Он вырвется на свободу, и Стикс перестанет быть элохимом. Он станет Псом – одним из тех жутких созданий без проблеска разума, что загнали к нему в дом это светловолосое чудо.

Сегодня, когда он увидел ее, в груди что-то кольнуло. Предчувствие? Прозрение?

Может быть.

Но определенно, она не просто так оказалась под его воротами именно сегодня. Случись это вчера – и он бы не увидел ее, потому что был в Риме. Вернулся утром, с напутствиями и пожеланиями Префекта поскорее найти ту самую...

И вот она здесь. Айна. Какое чудное имя. Похоже на звон колокольчика или трель соловья.

Сначала она показалась ему похожей на мокрую взъерошенную пичугу. Ее сердечко билось так быстро, дыхание было таким поверхностным, а страх настолько зашкаливал, что он с трудом сдержался, чтобы не сжать в руках ее хрупкое тело.

Остановило только отсутствие перчаток. Стикс в последний момент вспомнил, что забыл их надеть. А малейшее прикосновение к девушке запустит необратимый процесс – увядание. И тогда его гостя вряд ли проживет больше недели.

Айна продолжала что-то говорить. Она отогрелась, расслабилась, да и вино раскрепостило ее.

Стикс принял решение.

– Переночуешь здесь. Хлоя покажет свободную комнату. А утром я тебя отвезу.

Его слова отразились на лице гостя шоком.

– Вы? Меня?

Она уставилась на него, расширив глаза. В ее увеличившихся зрачках бурлили эмоции. Такие желанные!

Стикс с трудом сдержал хищный порыв.

– Тебя что-то смущает? – проговорил, нарочито растягивая слова, чтобы не выдать собственной жажды и не спугнуть добычу раньше времени.

Она залилась краской и что-то залепетала в свое оправдание. Но он уже не слушал ее. Поднялся, стремясь отойти подальше и вернуть себе хладнокровие. Нажал кнопку на смарт-браслете. Подобные вещи были только у элохимов, простые люди довольствовались громоздкими кнопочными телефонами.

– Хлоя, зайди.

Через минуту дверь отворилась.

– Вы меня звали, нувэр Хассель?

От Стикса не укрылось, какой взгляд метнула Айна на вошедшую девушку. Он был эстетом и тщательно подбирал персонал. Даже горничная в его доме выглядела куда лучше, чем гостья.

Айна оценила кукольное личико Хлои, ее форменное платьице с белоснежным передником и кружевную накрахмаленную наколку в темных волосах.

Да, Хлоя была красива. Стикс любил окружать себя красивыми вещами. Но физического желания она у него не вызывала, как, впрочем, и желания попробовать ее эмоции. На вкус она была никакая. Как овсянка без масла и соли. Только такие могли выдержать рядом с ним довольно долгое время. Остальные сгорали как мотыльки.

– Да, – он встал так, чтобы видеть обеих девушек, – Айна моя гостья на эту ночь. Отведи ее в голубую спальню и удостоверься, что она ни в чем не нуждается.

– Слушаюсь, нувэр.

Глава 4

Понимая, что аудиенция закончена, Айна начала подниматься. Но то ли от выпитого вина, то ли от усталости и пережитого стресса, ноги ее подкосились, и

она едва не рухнула на пол. Повезло, что успела схватиться за спинку кресла. Бросила на элохима виноватый, растерянный взгляд:

-Упс... прошу прощения...

И снова ей показалось, что у него на лице болезненно дернулся нерв. Будто нувэр Хассель хотел броситься ей на помощь, но почему-то в последний момент сдержал свой порыв.

Странный он. Непонятный.

- Сядь, - приказал он резко. - Я тебя отнесу.

Пока она хлопала ресницами и переваривала услышанное, Хассель подошел к секретеру, выдвинул ящик и достал резную шкатулку. Она оказалась доверху набита перчатками разных цветов. Все они были сшиты из мягкой лайковой кожи.

Хассель снял перстень с руки, надел бежевые перчатки и вернул перстень на место. После чего убрал шкатулку обратно в стол.

Айна смотрела, как он приближается.

Не может же быть, что она поняла его верно? Элохимы не носят на руках простых человеческих девушек! Они вообще никого не носят! Они отдают приказы и берут то, что хотят.

Она метнула беспомощный взгляд на горничную. Но у той на лице застыла нейтральная услужливая маска.

Если Хлоя что-то и думала насчет поведения хозяина дома, то предпочла держать эти мысли при себе.

- Я тяжелая, - пролепетала Айна в полной прострации, когда нувэр склонился над ней.

Ее обдало запахом его парфюма – тонким, терпким, как можжевельная хвоя, и едва уловимым.

– Значит, у меня есть возможность потренировать свои мышцы, – абсолютно спокойно сообщил элохим.

Не дожидаясь ответа, он подхватил ее на руки. Миг – и она оказалась выдернута из кресла и прижата к его груди.

В опьяненном вине и усталостью мозгу мелькнула хмельная мысль: так не бывает! Наверное, ей это снится.

Завтра она проснется в своей конуре на Тополиной улице и увидит серые стены с облупленной краской. А рядом будет сидеть Фил с небритой физиономией, скалить зубы и рассказывать, что она вчера учудила.

Но сейчас ее несет на руках обалденный мужчина. Теплый, вкусно пахнущий и красивый. К которому так и тянет прижаться, замурлыкать как кошечка.

Нет. Не мужчина – элохим.

Захватчик и враг.

Тот, кто лишил ее дома, родителей и свободы.

Хмель мгновенно выветрился из головы.

– Это лишнее, – на лестнице девушка аккуратно, но настойчиво высвободилась из его рук. – Я сама.

Стикс почувствовал ее напряжение. Только что она доверчиво прижималась к нему, а теперь вдруг закрылась, выстроила между ними стену отчуждения.

Он разжал руки.

– Могу я узнать, что случилось?

- Ничего, - она отвела взгляд, - просто я предпочитаю идти сама.

Стикс усмехнулся.

Кажется, эта Айна - первая человеческая женщина на его памяти, которая отказалась от его внимания. Строптивая добыча. Но тем интереснее будет охота.

- Что ж, - он не стал ее принуждать, - я рад, что ты можешь стоять на ногах. Хлоя, проводи гостью.

Тон элохима не изменился. Ни единой нотки недовольства не проскользнуло в его голосе. Но когда дверь закрылась, по телу Аины прошелся озноб. Будто только что за спиной стояло что-то теплое, а теперь там сквозная дыра, в которой гуляет ветер.

- Прошу за мной, эрна, - Хлоя направилась вверх по лестнице на третий этаж.

Очнувшись, Айна поспешила за ней.

Поднимаясь вслед за горничной, она сверлила взглядом ее спину, а на языке крутился вопрос. Не выдержав, все же спросила:

- Хлоя, ты давно здесь работаешь?

- Уже год, эрна.

Голос горничной звучал сдержанно и отстраненно.

- И как тебе?

Айна едва успела затормозить, чтобы не уткнуться носом в грудь Хлои. Потому что та резко остановилась и обернулась.

- Нувэр Хассель не одобряет общение прислуги с гостями.

Сказала сухо, отрывисто.

- Прости, - Айна послала ей нервную улыбку.

Но та уже не смотрела. Молча вошла под арку с орнаментом и направилась по коридору к третьим дверям от лестницы.

Айна поспешила за ней, не забывая подмечать все, что находилось вокруг. Резные панели на стенах, пилястры, облицованные яшмой и бирюзой, толстый пушистый ковер, идущий вдоль коридора. Коридор заканчивался французским окном, сквозь которое сейчас виднелось ночное небо. Черное как агат, с яркой россыпью звезд.

- Ваша спальня, эрна, - Хлоя распахнула перед ней дверь из светлого дерева. - Здесь вы найдете все, что может понадобиться для сна.

- Спасибо.

Пока горничная говорила, Айна перешагнула порог.

Комната встретила ее нежным голубым сиянием. Здесь все было выдержано в сине-голубых тонах: и шпалеры на стенах, и ковер, и мягкая мебель. Даже плафоны на бра и покрывало на широкой кровати. Над панорамным окном паутиной примостился ламбрекен из голубого шифона. Напротив него голубела рифленным стеклом дверь в ванную.

Айна завороченно вздохнула. Эта комната походила на жилище сказочной принцессы и имела мало общего с теми местами, в которых ей обычно приходилось ночевать.

- Если желаете, - продолжала Хлоя, стоя в дверях, - ужин вам подадут через час. Завтракать нувэр Хассель предпочитает в одиночестве, но вы можете спуститься утром в столовую. Кухарка приходит к шести утра.

- Нет, ужин не нужен.

Айна сбросила тапки и с наслаждением ступила на пушистый ковер. Ноги по щиколотку утонули в дымчато-синем ворсе.

«Завтракать предпочитает в одиночестве», – пролетели в голове слова горничной. Уж не намекает ли она, что незваной гостье лучше убраться до завтрака?

– Есть только одна убедительная просьба, – добавила Хлоя.

– М-м-м? – Айна блаженно зажмурилась.

Ей захотелось прогнать горничную, раздеться догола и лечь на этот ковер.

– Закройте двери на ключ и не выходите из комнаты с полуночи до пяти утра.

– Могу я узнать почему?

Хлоя поджала губы, глядя на гостью с явным неодобрением, но потом все же пояснила:

– Ради вашей безопасности. Нувэр Хассель не отвечает за жизни тех, кто бродит по дому в это время.

Айна поняла, что больше ничего не услышит. Но и этого было достаточно, чтобы она насторожилась. Вряд ли Хлоя станет пугать ее без причины.

– Хорошо. Обещаю, что до утра даже носа не высуну в коридор.

Оставшись одна, Айна первым делом заперла дверь на два оборота и оставила ключ в замочной скважине. А затем обыскала комнату на предмет скрытых камер и всякого рода жучков. Может, это и паранойя, но она не раз спасала ей жизнь.

Ничего не найдя, девушка подошла к окну и изучила открывшийся вид.

К ее досаде окно выходило на ничем не примечательный заснеженный пустырь. Кое-где темнели хрупкие елочки, а дальше, сливаясь в сплошную мглу, начинался еловый бор. И ни малейшего намека на забор или охранный контур.

Значит ли это, что владения нувэра Хасселя простираются далеко за границы двора?

Прижавшись лбом к прохладному стеклу, Айна постаралась рассмотреть, что находится под стеной дома. Ей показалось, что внизу что-то шевелится. Но там был только снег, а еще узенькая дорожка, по всей видимости, протоптанная прислугой.

Закончив осмотр улицы, она осмотрела раму. Та оказалась совершенно глухой. Только сверху открывалась узенькая фрамуга, но лезть в нее и прыгать с третьего этажа – самоубийство.

Разочарованно вздохнув, Айна направилась в ванную.

Здесь тоже царили оттенки голубого и синего. Мраморная плитка на полу и на стенах была цвета лазури. Сама ванна из голубого фаянса – круглая и такая широкая, что в ней с легкостью разместилось бы четверо взрослых мужчин. Такая же раковина и унитаз. Только латунные вентили золотились, выделяясь на общем фоне.

Айна пробежалась пальцами по лавандовым полотенцам, сложенным на полке аккуратной стопочкой. Тронула василькового цвета халат из толстой уютной махры. И замерла, восхищенно уставившись на целую батарею из баночек и бутылочек, которые выстроились у зеркала.

Медленно, боясь спугнуть волшебный момент, она взяла в руки одну из них и открыла. Поднесла к носу и, закрыв глаза, вдохнула душистый аромат.

Яркий мандарин... Тимьян... Орхидея... Капля терпких древесных нот и сладкой ванили...

Голова закружилась от нахлынувших ощущений. Вспомнился мягкий голос Хасселя, прикосновение его рук, холодящая кожа перчаток...

Околдованная запахом духов и собственными мыслями, Айна распахнула ресницы и уставилась на свое отражение.

Светлые волосы рассыпались по ее плечам, подчеркивая яркие пятна румянца на скулах и лихорадочный блеск потемневших глаз.

Она облизала пересохшие губы. Стекланный пузырек выскользнул из рук и ударился о раковину.

Наваждение схлынуло.

Черт возьми, что она делает?! Неужели забыла, кто она и кто хозяин этого дома?

Девушка потрясла головой, возвращая ясность сознанию, поставила пузырек с духами на место и включила воду.

Определенно, ей стоит принять холодный душ, чтобы выбросить из головы всякую ерунду. Пять минут в обществе элохима – и она уже готова бежать за ним как собачка, смотреть на него, ловить каждый взгляд и капать слюной.

Эти твари умелые манипуляторы. Знают, чего ты хочешь, и дают тебе это. Сколько женщин прошло через крепкие руки нувэра Хасселя?

Последняя мысль разозлила Айну. Схватив мочалку, она начала с остервенением тереть себя, будто хотела вместе с кожей смыть следы его прикосновений.

Хватит думать о нем. Нужно решить, что делать дальше.

Общение с элохимами это своего рода наркотик. Некоторые люди привыкают к нему с первого раза, особенно женщины, у некоторых вырабатывается иммунитет.

Айна редко сталкивалась с элохимами так близко, как сегодня. И всегда эти встречи обходились без последствий. До этого дня она была уверена, что у нее

есть иммунитет к притягательности этих существ. Но теперь уверенность ослабла.

Быстро сполоснувшись, она энергично растерла тело полотенцем и запахнула халат. Схватила в охапку свою одежду и вышла.

Глава 5

В комнате ждал сюрприз.

На кровати голубела ночная сорочка из тонкого льна, отороченная шелковыми лентами. Принести ее никак не могли, дверь была закрыта на ключ. Значит, лежала здесь, когда Айна вошла. Просто она ее не заметила сразу.

И тут же возникла новая мысль: все это слишком чудесно и потому подозрительно. Зачем в доме нувэра всегда готовая комната с женскими принадлежностями? У него часто бывают гости? Чем они занимаются? А главное, в каком качестве здесь она?

Думать, что он впустил ее из жалости, глупо и опрометчиво. Элохимы могут испытывать к людям страсть и влечение на уровне тела. Но не жалость или сострадание. Они могут вожделеть понравившихся женщину или мужчину. Но испытывать что-то глубже сексуального голода – никогда.

Покрутив в руках сорочку, Айна брезгливо бросила ее на ближайшее кресло. Туда же полетел и халат. Она торопливо влезла в свою футболку и задумчиво прикусила ноготь большого пальца. Дурная привычка, от которой никак не могла избавиться.

Часы на прикроватной тумбочке показывали без четверти полночь. Значит, она провела в этом доме почти три часа и даже не заметила, как бежит время!

Стараясь абстрагироваться от назойливого уюта и манящей кровати, Айна достала из кармана штанов простенький мобильный телефон. И сделала то, что

должна была сделать сразу, едва осталась одна.

Нажала кнопку быстрого вызова.

– Сэмми, это я, Айна.

– М-м? – в ответ послышалось сонное мужское мычание.

– Ты что, спишь уже?! – зашипела девушка в трубку.

Сон с ее собеседника моментально слетел. Казалось, парень на том конце даже подпрыгнул.

– Айна? Ты жива?

– А ты похоронил меня, что ли?

– Дура! Я за тебя испугался. Рози сказала, ты выскочила от Фила как ошпаренная. Что этот ублюдок сделал тебе?

– Ничего, – буркнула, не собираясь вдаваться в подробности. – Передай ей, что со мной все в порядке.

– Где ты? Я сейчас подъеду, заберу тебя.

Сквозь его голос и шипение старенького динамика Айна различила жаркий женский шепот. И узнала голос подруги.

Рози.

Значит, она там, с Сэмом.

Впрочем, почему бы и нет? Они взрослые люди. К тому же он никогда ничего ей не обещал. Всегда относился как к младшей сестренке.

Жаль, что сама она видит в нем не только старшего брата.

- Не надо, - пробормотала устало, - со мной все хорошо. Утром вернусь.

Сэм продолжал что-то говорить, но Айна нажала отбой и уронила руки на колени. Ссутулилась. В груди разливалось неприятное жжение.

Горько, когда разбиваются мечты. Пусть даже детские и наивные. Она могла бы обожать его издалека, мечтать, что однажды они будут вместе. Но жизнь жестокая штука. Она не приемлет розовые очки. А Сэм нормальный здоровый мужчина. Ему нужна женщина.

Но почему именно Розы? Почему он не мог сделать это с кем-то другим, кого Айна не знает?

И почему она никогда не замечала, что между ними есть что-то большее, чем легкий флирт и дружеское подтрунивание?

Может, просто не хотела замечать...

Айна поднесла руку к ноющей области, да так и застыла.

Из глубины дома, приглушенный дверями и расстоянием, раздался грохот и полугадушенный хриплый вой...

Стикс сидел в черном кожаном кресле, подперев подбородок рукой, и неотрывно следил за девушкой на экране. Та обыскивала комнату точными, размеренными движениями профессионального домушника.

Тенганарец усмехнулся.

Вряд ли птичка что-то найдет. Но наблюдать за ней интересно, особенно за тем, как меняются эмоции на ее лице. Она совершенно не умеет их скрывать. Вся перед ним, как открытая книга.

Вот, оставив бесплодные поиски, девушка заглянула в окно. Постояла немного, прижимаясь лбом к стеклу, повздыхала и с раздосадованным видом направилась в ванную.

Стикс переключил монитор на нужные камеры. Одна была вмонтирована прямо в зеркало, еще несколько показывали ванную со всех сторон. Таким образом он мог беспрепятственно разглядывать помещение. Но его интересовало не это, а гостя.

Осмотрев ванную, она повернулась к зеркалу и замерла, устремив на полку под ним широко распахнутые глаза. На ее лице отразилось почти детское изумление и восторг. Медленно, будто не веря своим глазам, она протянула руку.

Стикс хмыкнул, когда увидел, что же ее привлекло. Черный флакончик, строгие линии.

«Рашез».

У девчонки хороший вкус.

Зажмурившись, гостя вдохнула аромат духов. А потом, испугавшись чего-то, вздрогнула и уронила флакончик. Огляделась, как человек, внезапно вспомнивший что-то важное. Поджала губы и поставила духи на место.

Даже не попыталась воспользоваться ими.

Отвернувшись от зеркала, быстро разделась, бросая одежду прямо на пол. Перешагнула ее, резким движением завязала волосы в узел на затылке и встала под струи воды.

Стикс откинулся на спинку кресла.

Хороша. Ох, как хороша без всех этих тряпок.

Узкие плечи, нежный изгиб талии, округлые ягодицы, переходящие в стройные ноги. Молодое, упругое тело. Нетронутое. Можно сказать, нераспробованный

десерт.

Она стояла к нему спиной, уткнувшись лбом в стену, а сверху лилась вода. Прозрачные струи били ее по плечам, прочерчивали влажные дорожки по коже, стекали вниз по ногам...

Он сомкнул веки, послал гостье ментальный импульс и представил, как входит к ней.

Неслышно открывает двери. Раздевается, как и она, бросая одежду на пол. Перешагивает бортик ванны и прижимается всем телом к ее телу. Грудью – к ее спине. Бедрями – к ее ягодицам. Накрывает ладонями аккуратные груди. Губами исследует шею...

И как она изгибается, откидывает голову ему на плечо. Стонет и что-то шепчет бессвязно...

Но девчонка почему-то не откликнулась на эту фантазию. Ментальный импульс прошел сквозь нее незамеченным.

Стикс открыл глаза и резко выпрямился. Такое на его памяти случилось впервые.

Возбуждение исчезло так же внезапно, как и нахлынуло. Вместо него появилось любопытство.

Значит, его загадочная гостья не поддается внушению? А это уже интересно.

Малышка, которую он мысленно окрестил Пташкой, по-спартански быстро вытерлась, завязала халат и протопала в спальню. Там с недовольным видом покрутила в руках ночную сорочку, небрежно швырнула ее в кресло и влезла в свою футболку. Повздыхала, думая о чем-то своем, и достала телефон. Простенькую старую «нокиа».

Стикс думал, таких уже не существует, а поди ж ты, кто-то ими еще пользуется. Он увеличил громкость.

Она звонила мужчине. Стикс ощутил его за миг до того, как неведомый абонент ответил на трель телефона. И, судя по ее тону, это был не случайный приятель. Больше того, в глазах девчонки застыла тоска. Та самая, с которой собака смотрит вслед уходящему хозяину.

Эта мысль разозлила его.

– Джино! – процедил, нажимая кнопку селектора. – Отследи звонок моей гостью. Сообщишь, как только выяснишь что-то.

– Понял, нувэр. Будет сделано.

И в этот момент от девчонки пришел тяжелый, удушающий комок эмоций. Ревность, обида, страдание...

Кем бы ни был тот, с кем она говорила, он имел для нее особенное значение. Больше того: она сохла по нему не один год...

Зуд в кончиках пальцев заставил Стикса опустить взгляд на руки. Он давно снял перчатки, а сейчас на его глазах ногти налились глянцевой чернотой, вытянулись и загнулись, превращаясь в звериные когти. Сквозь кожу на пальцах проступила колючая шерсть.

Зверь напомнил о себе. Напомнил, что времени не осталось. Что счет идет уже не на месяцы, а на дни, и скоро пойдет на минуты.

Привычная боль заставила Стикса упереться ладонями в стол, выгнуть спину. Исказила его лицо. Судорогой прошлась по сильному телу.

Под кожей тенганарца вздулись толстые вены.

Он почти привык к этой боли, почти смирился. Но сейчас что-то заставило сопротивляться.

Зарывав, он смел со стола папки с бумагами и мраморный письменный прибор. Тот загрохотал по полу, оставляя вмятины в дорогом паркете.

Усилием воли Стикс загнал Зверя внутрь. И упал, обессиленный, в кресло.

Из груди тенганарца вырвался хриплый вой.

В этот раз удалось. Но чем темнее ночь, тем сильнее Зверь. Еще пара часов – и придется выпустить его на свободу.

Пока лишь на время.

Но с каждым днем время Зверя становится все длиннее.

Айна оставила гореть ночник у кровати, но заснуть в чужом доме оказалось непросто.

Она то ворочалась, охваченная тревожными мыслями, то замирала, нервно вслушиваясь в тишину.

Хотя тишиной это можно было назвать лишь относительно. Из глубины дома доносились разные звуки. На нижнем этаже прямо под ее комнатой кто-то ходил. Она слышала то поскрипывание половиц под тяжелыми шагами, то неразборчивый голос, то глухой размеренный стук.

А может, все это было плодом ее разгулявшегося воображения.

Несколько раз она вскакивала с кровати, опускалась на пол и, прижавшись к нему ухом, пыталась разобрать слова. Но это мало походило на человеческую речь. Скорее, на рычание какого-то зверя. Фантазия рисовала что-то темное, неопределенных очертаний, но обязательно с клыками и когтями.

В комнате было довольно тепло, но с кожи девушки не сходили мурашки, а где-то внутри ледяной глыбой свернулся страх.

Зря она вошла в этот дом. Ох, зря. Чует сердце – не кончится это добром. Элохимы не добрые самаритяне, что дают приют юным девушкам из лучших побуждений. И если нувэр Хассель приютил ее, обогрел и даже собирался нести на руках, значит, у него есть на это причина. Какая – она даже знать не хочет!

В какой-то момент ей показалось, что звуки усилились, стали ближе и громче. Охваченная животным ужасом, она замерла в кровати.

Кто-то стоял за дверью. Она могла бы поклясться, что слышит дыхание! Тяжелое, надсадное. Дыхание крупного зверя.

Потом странный скрип. Будто кто-то провел когтями по гладкой поверхности.

Тихий рык...

Сердце Айны оборвалось и загрохотало где-то в желудке. Не выдержав, она юркнула под одеяло, накрылась с головой и крепко зажмурилась.

Если там кто-то есть, пусть думает, что она спит и ничего не слышит!

Сколько она лежала, свернувшись калачиком, Айна не знала. Тело начало затекать, да еще нога зачесалась. Но она стойко терпела, внушая себе, что если не будет двигаться, то с ней ничего не случится.

Это был ее личный способ избавиться от страха. После смерти родителей Айну часто охватывала беспричинная паника, и только таким нехитрым способом ей удавалось справиться с ней.

В конце концов, измученная напряжением, девушка провалилась в короткий тревожный сон.

Глава 6

Проснулась резко. Открыла глаза и села с гулко бьющимся сердцем. Сглотнула застрявший в горле колючий комок.

Ей показалось, что она провалилась в сон всего на минуту, но часы показывали пять утра. А в ушах все еще стоял отголосок звериного воя.

Такой звук не могло издать человеческое горло. Но Айна была уверена, что ей не почудилось и не приснилось.

Стоило лишь подумать об этом, как вой повторился.

На этот раз он прозвучал с улицы.

Соскочив с кровати, Айна накинула одеяло на плечи и подошла к окну. Выглянула во двор.

За ночь пустырь окончательно замело. Свежий снег серебрился под светом луны, и на нем темными пятнами выделялись отпечатки крупных звериных лап.

Она застыла, глядя на них. В голове сложилась картинка.

Судя по всему, зверь несся от стены дома через пустырь огромными скачками. Его следы терялись между деревьев, где сейчас царила непроглядная тьма.

И снова тот самый вой разорвал тишину.

Девушка вздрогнула, поплотнее закуталась в одеяло. Ее пробрал внезапный озноб.

Звук раздавался с той стороны, где скрылся неведомый зверь.

У кромки леса мелькнула размытая тень. Огромная, со вздыбленной на загривке шерстью. Она вылетела из чащи и приземлилась в снег на четыре лапы.

Мотнув головой, Пес швырнул в снег разодранную тушу крупного лося. С оскаленной пасти чудовища падали клочья пены. Глаза горели опасным

багрянцем, а морду и мощную грудь покрывала свежая кровь.

Взвыв, Пес вскинул голову вверх. Повернулся в сторону дома. И Айне на миг показалось, что он учуял ее.

Вскрикнув, она отступила назад. Едва не запутавшись в одеяле и не упав, спряталась за занавеской.

Сердце зашлось в тревоге и панике.

Как этот монстр проник в охраняемый двор? Как смог обойти охранный контур?

Вывод напрашивался сам собой: или его впустил хозяин особняка, или он все это время был здесь. Ручная собачка элохима. Айна его уже слышала. Вечером. А ночью нувэр Хассель выпустил «песика» погулять.

Последняя мысль ее разозлила. Ненависть к элохимам всколыхнулась черной волной.

Айна боялась их, как всякое разумное существо боится всего, с чем не может справиться и не может понять. Боялась и ненавидела за то, что они сделали с ее маленьким миром.

Между тем зверь взрыкнул и снова умчался в тень. На снегу остались только его следы, да еще окровавленная туша с выпущенными наружу кишками. От их вида девушку замутило. Зажав рот рукой, она бросилась в ванную.

Едва успела согнуться над раковиной, как пустой желудок свело болезненным спазмом.

Пару минут ее выворачивало наизнанку. Рот наполнил вкус желчи, перед глазами все поплыло от наворачнувшихся слез.

То же самое могло быть и с ней, попади она в лапы Псам. С одной лишь разницей: прежде чем сожрать ее тело, они бы сожрали ее разум.

Отдышавшись, Айна открыла холодную воду. Умылась и напилась из-под крана. Каждый глоток давался с трудом. Руки нервно подрагивали, а пальцы были такими холодными, что она их почти не чувствовала.

Немного придя в себя, уставилась на свое отражение.

Нужно убираться из этого дома. Дождаться, когда посветлеет, и убираться. Проблема лишь в том, что долго придется ждать.

Псы не любят солнечный свет. Точнее, ультрафиолетовые лучи, которые каким-то образом поражают их нервную систему вплоть до смертельного исхода. Потому этих тварей сложно встретить на улицах летом или весной, когда круглые сутки царствует полярный день, а солнце не сходит с неба. Но с приходом холодов все меняется. Дни становятся короче, ночи – длиннее. Начинается Темный Гон – время Псов.

Правительство объявляет комендантский час. Родители прячут своих дочерей за толстыми стенами. Но даже это не гарантирует полную безопасность. Псы способны перемахнуть трехметровый забор, влезть по отвесной стене, прыгнуть с высоты пятнадцати метров и приземлиться без ущерба для своего здоровья. Остановить их может только ультрафиолетовый охранный контур. Или солнечный свет. Поэтому на всех улицах Эрмена, где живут люди, стоят ультрафиолетовые прожекторы.

Но там, где живут элохимы, эти прожекторы не нужны...

Понимая, что больше не сможет заснуть, Айна вернулась в комнату и начала одеваться. Взгляд зацепился за телефон, лежащий на тумбочке у кровати. Вчера она его отключила. Не хотела ни с кем говорить. Особенно с Сэмом.

И сейчас она ни за что не позвонит ему.

Ни ему, ни Розе.

Айна понимала, что нуждается в помощи. Самой ей отсюда не выбраться. Нужен кто-то с машиной, кто сможет приехать за ней и забрать.

В ее окружении автомобиль был только у одного человека, не считая Сэма. В другое время она предпочла бы не обращаться к нему.

Хотя... Это он виноват, что она попала сюда. Вот пусть и спасает!

Айна включила телефон. Пальцы сами набрали знакомый номер. В трубке раздались гудки.

С замирающим сердцем она слушала их и считала. ...Пять... семь... на восьмом связь оборвется. Может, это и к лучшему.

Но прежде чем это случилось, трубку на том конце сняли:

– Айна? Ты где?

Голос Фила звучал четко и ясно, будто он и не спал.

– Привет... – она сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев. – Мне нужна твоя помощь. Можешь меня забрать?

– Говори адрес. Я выезжаю.

– Тут Псы. Целая стая. Лучше возьми кого-то еще...

– Я сам решу, что лучше. Адрес!

В этом весь Фил. Слышит только себя.

Айна вздохнула:

– Не знаю точно. Где-то на Западном шоссе. Трехэтажный особняк, прилегающий к лесу.

В ответ раздалась тихая ругань.

– Как тебя туда занесло? Это же за шесть кварталов от твоего дома!

– Так получилось.

Она не стала объяснять, что сбежав от него, прыгнула в поджидающий омнибус. Была слишком зла и не сразу сообразила, что едет в другую сторону. А когда поняла, было поздно что-либо менять.

– Ладно, не выключай телефон. Я вижу тебя на карте... Черт!

Фил резко оборвал фразу. И Айна поняла, что услышит сейчас.

– Ты знаешь, чей это дом? – прошипел он в трубку.

– Да. Какого-то элохима.

– Какого-то? – и снова витиеватый забористый мат. – Это служебный дом. Принадлежит куратору Северной Европы! Ты понимаешь, куда тебя занесло?!

Если бы на Аynu упал потолок, она и то удивилась бы меньше.

Значит, нувэр Хассель – один из кураторов, поделивших Европу?

Что ж, сама могла догадаться.

Кольцо. Тот перстень с необычным камнем. Еще при первом взгляде на него Айна засомневалась, что это бриллиант. Похож, но не он. К тому же настоящие голубые бриллианты невероятно редки. В год их находят не больше двух штук, а те, что продаются в ювелирных магазинах – выращены искусственно.

Скорее всего, это один из тех кристаллов, которые элохимы притащили с собой. Такими перстнями они отмечают свои ранги и должности. Синий камень – должность куратора. Красный – префекта. В Европе четыре куратора, зато префект только один. Сидит в Риме – это так символично! В бывшем папском дворце в Ватикане. И оттуда управляет Объединенной Землей.

Один за другим запиликали входящие смс, напоминая о пропущенных звонках. Но Айна пропустила их мимо ушей. Она слышала только свистящий голос

Филиппа:

- Это удача! Нам невероятно повезло!

- Нам?

- Нам, Айна, нашему делу! Короче, слушай меня. Ты должна там остаться. Любым способом, но сделай так, чтобы этот тип оставил тебя. Тем более ты хорошенькая, так что это будет нетрудно.

Фил говорил быстро, проглатывая окончания слов. На заднем фоне раздавались его торопливые шаги, скрежет ключа в замке, громкий удар металлической двери гаража, хлопок дверцы машины...

Звук мотора.

- Ты все поняла?

Айна с трудом разжала побелевшие губы. Почти беззвучно выдохнула в трубку:

- Да, но...

- Никаких «но». Такой шанс выпадает раз в жизни! Понимаешь? Никому из нас ни разу не удавалось подобраться так близко к их верхушке. Тебе повезло, так воспользуйся этой удачей ради общего блага.

- Ты предлагаешь мне с ним... - она не могла выдать это слово.

- Нет! Конечно же, нет! Как ты могла такое подумать? Очаруй его! Включи свои женские штучки. Сделай так, чтобы он запал на тебя. В общем, действуй по обстоятельствам. Ты нужна нам там, Айна! Вспомни, кто ты и какую клятву давала!

Она не могла поверить, что слышит все это. Что Фил так легко решил ее здесь оставить. Без подготовки и снаряжения. Без группы прикрытия. Без шансов на отступление.

– А если он что-то заподозрит?

– Постарайся, чтобы не заподозрил. Ты же умная девочка! Подумай о своих родителях и сестре. Разве ты не мечтала отомстить за них этим тварям?

Мечтала. Последние пять лет только этим жила. С тех самых пор, как по вине элохимов погибла ее семья.

Тогда ей было всего восемнадцать. Она сидела на пепелище, оплакивая родных и желая умереть вместе с ними, когда к ней подошла группа ребят. Таких же молодых, как она. Они забрали ее с собой. Дали ей дом, стали новой семьей. Уже позже она узнала, что они состоят в тайном движении против всевластия элохимов, которое гордо называют Конфронт – Сопротивление, а себя – его паладинами.

Вначале ей казалось, что это просто ребяческий бред. Ну какой Конфронт? Какие паладины? Элохимы жестко подавляли любые протесты, любые волнения. Те, кто осмеливался выступить против них, получали статус террористов и подлежали немедленной изоляции.

Потом она поняла, что за спинами Сэма, Фила, Розы и многих других стоит целая организация, нити которой уходят глубоко в подполье. Никто не знает имени настоящего руководителя, никто не знает, где базируется главный штаб. Но эта организация существует уже много лет. Она раскинула сеть на всю Европу, опутала мегаполисы, запустила щупальца в самые крошечные города и поселки, такие, как Ермен. И везде находит людей, подобных Айне. Тех, у кого высокий порог сопротивляемости элохимам. Тех, у кого есть причина ненавидеть захватчиков.

Спустя два года после смерти родителей Айна принесла Конфронту присягу и стала его паладином.

Фил словно читал ее мысли:

– Вот, у тебя появилась такая возможность. Я верю в тебя. Все, до связи. И будь осторожна.

Все еще держа телефон в руках, она медленно опустилась на пол.

Закрыла глаза.

Фил не приедет за ней, и он прав. Гораздо важнее, чтобы она оставалась в этом доме как можно дольше. Стала глазами и ушами Конфронта. Здесь она сможет добыть информацию, которой им так не хватает.

До этого дня ее задания ограничивались лишь мелкими вылазками и незначительным шпионажем. И всегда рядом были друзья, готовые прикрыть в случае опасности.

В этот раз ей придется справляться самой.

«Сделай так, чтобы он запал на тебя»...

Хорошее напутствие от того, кто вчера предлагал переспать с ней по дружбе.

Но это действительно невероятная удача – попасть в дом куратора. И пусть за нее придется дорого заплатить, что ж... Она готова пойти на это.

Телефон с глухим стуком выпал из ослабевших рук.

Ночь почти кончилась, но до рассвета еще далеко. В этих широтах солнце в ноябре встает не раньше девяти. Значит, при всем желании она не сможет покинуть этот дом раньше, если только сам хозяин не выставит ее. Но вряд ли он так поступит, если пустил переночевать и обещал подвезти.

Невольно вспомнился вчерашний вечер. Прикосновение элохима, его крепкая хватка... и собственное смятение.

Почему он надел перчатки, прежде чем дотронуться до нее? Побрезговал прикоснуться к человечке?

Она передернула плечами и поднялась. Хватит думать об этом. У нее появилось задание.

Подойдя к окну, девушка остановилась и уставилась на окровавленный снег.

Лось исчез. То место, где он лежал, было изрыто мощными лапами. И только алые пятна напоминали о том, что случилось здесь ночью. Да еще цепочка следов, ведущая к самому дому.

Зверь вернулся в логово. Ей придется остаться в этом доме один на один со своим худшим кошмаром.

Глава 7

Стикс принимал душ, когда раздался звонок с коммуникатора.

Упершись руками в стену, тенганарец смотрел, как в белоснежный поддон стекает вода. Красная от крови. Постепенно она розовела, становилась прозрачнее. Но это не уменьшало ощущение тошноты.

Зверь сегодня поживился на славу. Охранный контур не позволил ему покинуть частные земли, не дал сбежать в ночь. Огражденного леса, простиравшегося на пару гектаров, хватило, чтобы создать иллюзию свободы.

Но это пока.

Стиксу уже пришлось сменить столичную резиденцию на тихий заснеженный Ермен на севере Скандинавии. Перебраться поближе к диким лесам и легкой добыче. А скоро Зверю станет тесно в границах, созданных разумом. Инстинкт возобладает над рассудком, темная сущность тхейнара – над тенганарцем. И тогда не помогут никакие ограды...

Услышав звонок, он вскинул голову.

Джино. Если звонит, значит, что-то узнал.

Сорвав с крючка полотенце, Стикс прошел в спальню. Зеркало на двери отразило его: обнаженный, идеально сложенный хищник. Мускулистый, но в то же время гибкий и грациозный, как тигр.

Под гладкой кожей тенганарца, усеянной каплями влаги, играли стальные мышцы. Темные волосы топорщились мокрым ежиком. Он провел по ним пятерней, вытер лицо и бросил полотенце на пол. Небрежно шагнул через уже не нужную тряпку и нажал кнопку связи.

- Нувэр Хассель, есть информация по вашему запросу.

- Слушаю.

- Ваша гостья звонила на местный номер. Зарегистрирован на Сэма Уортона. В данное время объект находится в четвертом квадрате. Адрес...

Стикс перебил охранника:

- Ты выяснил, кто этот Сэм?

- Студент политехнического. Пятый курс. Обычный парень.

Обычный? Да нет, обычному парню не звонят с такой тоской в глазах. Он важен для нее. Очень важен.

- Свяжись с ректором. Все, что сможешь нарыть - мне на стол.

- Понял. Нувэр...

Стикс почувал, что Джино замялся. Это шестое чувство тенганарцев: читать эмоции собеседника, даже если разговор идет через средства связи. Но сами они давно научились ставить ментальные щиты и закрываться друг от друга. Для них это стало такой же привычной вещью, как для людей - одежда. Выйти в общество без такого щита считалось дурным тоном, а с поколениями они так прочно вросли в сознание, что тенганарцы разучились испытывать эмоции.

- Говори.

– С номера гостя был сделан еще один звонок. Час назад.

Час назад его разум плавал в объятиях безумства, а телом владела тьма.

– Кому она звонила? – произнес он бесстрастным тоном.

– Филипп Беннет, владелец СТО на Третьей Вишневой. Разговор длился три минуты.

В горле зародился угрожающий рык. Стикс сдержал его. По губам скользнула усмешка: тхейнар реагирует на случайную гостью. Ему не нравится, что она звонит мужчинам. Но это не значит, что она именно та, кто ему нужен. Это станет понятно только со временем.

На веку Стикса было достаточно женщин, на которых реагировал внутренний зверь. Красивых, страстных, искушенных в любовных играх. Они платили жизнью за право разделить с ним постель. Но ни одна из них не смогла вызвать в нем ничего, кроме плотского желания.

Раньше этого было достаточно. Покорное женское тело в постели удовлетворяло Стикса и успокаивало его тхейнара. Но не теперь.

Теперь все сложнее. Ему нужны чувства. Яркие, насыщенные, всепоглощающие. Похожие на вспышку сверхновой. Такие, что ослепляют разум и разрывают грудь. Чувства, которые всецело захватят его.

Но они не возникают по щелчку пальцев. Чувства это единственное, над чем он не властен.

– Хорошо. Узнай об этом Беннете все, что сможешь. И еще... – Стикс на секунду задумался. – Нет, это все.

Не стоит доверять охраннику. Пусть он и предан нувэру, но он человек. Слабое, недолго живущее существо, по большей части руководствующееся чувствами и эмоциями.

Нажав отбой, Стикс выдвинул из-под столешницы скрытую панель. Экто-экран на стене посветлел, когда включилась запись с камер в голубой спальне.

Тенганарец быстро промотал несколько часов, в течение которых девчонка не покидала кровати. Но вот она поднялась, подошла к окну. Ее лицо изменилось. Хорошенькие черты исказились от злости и страха. Она рванула в ванную так, будто за ней гналась стая тхейнаров. Потом быстро оделась и взяла телефон.

Ведомый предчувствием, Стикс включил звук.

- Привет... - прозвучал тихий, настороженный голос. - Мне нужна твоя помощь. Можешь меня забрать?.. Тут Псы. Целая стая. Лучше возьми кого-то еще... Не знаю точно. Где-то на Западном шоссе. Трехэтажный особняк, прилегающий к лесу... Так получилось... Да. Какого-то элохима... Нам?.. Да, но... Ты предлагаешь мне с ним... А если он что-то заподозрит?..

Разговор закончился. Уронив руки, девчонка опустилась на пол и уставилась в одну точку.

Резкий треск заставил Стикса оторвать взгляд от нее и посмотреть вниз. Только теперь он заметил, что все это время с силой сжимал край стола. Столешница, сделанная из твердого дуба, смялась под его пальцами, точно картон.

Девчонка говорила о нем. В этом он не сомневался. Но суть разговора пока ускользала от понимания. Стикс дорого заплатил бы сейчас за возможность услышать ее собеседника.

Но у него есть особые привилегии, недоступные рядовым тенганарцам. Например, постоянный и неограниченный доступ к всемирным базам данных, включая не только человеческие. А еще собственная мини-армия из лучших бойцов и возможность установить слежку за любым интересующим его объектом.

Стикс разжал сведенные спазмом пальцы, растер их свободной рукой и активировал смарт-браслет на запястье.

– Шентар, нужна твоя помощь, – произнес на языке, не имевшем аналогов в этом мире.

В ответ раздался скептический смешок:

– Великий и Ужасный Стикс Хассель нуждается в помощи фарга?

Тенганарец проигнорировал выпад.

– Нуждаюсь. Ты готов ее оказать?

– Эм... ну, если все так серьезно... – тон собеседника изменился. – Чем могу помочь, Лорд?

Стикс кратко обрисовал ситуацию.

Потом повернулся спиной к зеркалу и глянул через плечо. Серебристый рисунок, который вился вдоль позвоночника и расходился двумя ветвями к плечам, уже начал темнеть.

Айна с трудом дождалась заветных шести часов. Открыла дверь, высунула нос в коридор и прислушалась к тишине. На всякий случай выждала еще пять минут, а потом торопливо направилась к лестнице.

Последний раз она ела вчера в обед, и с тех пор маковой росинки не было во рту, не считая воды из-под крана. Надо сказать, хорошей воды, чистой, без привычного металлического привкуса и желтоватого цвета.

Теперь она пожалела, что отказалась от ужина. В таком большом доме кухню еще нужно найти. Но чем быстрее она сделает это и запихнет в себя кусок хлеба, тем скорее избавится от сосущей боли в желудке.

Второй этаж оказался закрыт. Огромная двухстворчатая дверь преграждала проход. Вчера Айна ее не заметила, точнее, приняла резные створки за элемент декора.

На всякий случай подергала ручку. Закрыто. Похоже, у хозяина есть причины закрывать этот этаж.

Невольно вспомнился растерзанный лось на алом снегу и звуки, так напугавшие ее вчера вечером. Определенно, они доносились из этой части дома. Возможно, где-то там нувэр Хассель держит свою «собачку»?

Айна поежилась и поспешила вниз. Думать, что там, за дверью бродит чудовище, ей не хотелось.

На первом этаже ждала тишина. Почти осязаемая. Живая.

Девушка застыла на последней ступеньке. Прислушалась, пытаюсь по звуку определить, где находится кухня. Ведь Хлоя сказала, что кухарка придет к шести, значит, она должна уже быть. Греметь кастрюлями, топтать... подавать хоть какие-то признаки жизни.

Но дом словно вымер.

Пока Айна раздумывала, что делать, ее желудок требовательно напомнил о себе. И тут же за спиной раздалось тихое покашливание. Оно прозвучало столь внезапно, что девушка, охнув, подалась назад. И налетела спиной на чье-то твердое тело.

Миг – и она отскочила в сторону, одновременно разворачиваясь к тому, кто стоял позади, и принимая защитную стойку.

– Какого черта!.. – вырвался гневный возглас.

И тут же ладонью захлопнула рот.

На нее с легкой усмешкой взирал нувэр Хассель.

Сегодня он был в черной шелковой рубашке, распахнутой на груди, и такого же цвета штанах, висящих на бедрах. Рукава, закатанные до локтя, открывали сильные руки. Темные, немного влажные волосы элохима небрежно топорщились, словно он причесал их собственной пятерней. Казалось, он только что вышел из душа. Даже не вытерся как следует.

– Ты ожидала увидеть кого-то другого? – элохим подался вперед, нависая над гостьей. Пронзительный взгляд пригвоздил ее к месту. – Вообще-то это мой дом.

В смятении Айна уставилась на его обнаженную грудь.

Как он смог подкрасться так близко? Она ничего не услышала!

От Хасселя исходил тонкий запах озона. Алебастровая кожа на груди немного светилась. Темная ткань рубашки подчеркивала ее белизну и четкий мышечный рельеф.

Близость элохима взбудоражила и перепутала мысли девушки. Как бы она ни пыталась себя убеждать в обратном, но правда, неприятная горькая правда, лежала на самой поверхности: она реагирует на него. И это плохо.

Это очень, очень плохо! Ей нельзя приближаться к нему. Зависимость от элохимов не лечится!

Взгляд Аины скользнул ниже. Туда, где четкие кубики пресса скрывались за резинкой штанов.

Идеальное тело. Идеальное создание. Вершина эволюции...

Притягательный и опасный. Смертельно опасный хищник.

Она сглотнула вязкий комок и отвела взгляд.

– Простите, нувэр Хассель. Я... вы напугали меня, – пробормотала в свое оправдание.

– Что ты здесь делаешь в такую рань?

Он как будто не заметил ее замешательства, только бровь выразительно приподнял.

– Эм-м... ищу кухню, – она выдавила смущенную улыбку. – Хлоя сказала, что до шести утра нельзя ходить по дому, но уже седьмой час. Я не хотела никого тревожить...

Взгляд элохима изменился. Не потеплел, но уже и не был таким пронзительным. Словно стальные тиски, сжимавшие Айну, ослабли.

– Что ж, – произнес Хассель, разглядывая ее, – я и сам собирался перекусить. Идем.

Он не предложил ей руку. Не попытался даже дотронуться. Наоборот, прошел мимо и не оглянулся. Но так близко, что едва не коснулся плечом. Так близко, что Айна ощутила тепло его кожи. И запах. Тот самый едва уловимый запах, что наполняет воздух после грозы. Ей не оставалось ничего другого, как только поспешить вслед за ним.

– Хлоя сказала, вы завтракаете в одиночестве... – внезапно пришло на ум.

Хассель резко остановился. Развернулся и взглянул на нее с пугающей усмешкой:

– Что еще Хлоя обо мне говорила?

От этой усмешки Айну пробрал мороз.

– Ни... ничего...

Она увидела, как зрачки элохима сузились. Превратились в две острые алые точки. Он хмыкнул и окинул ее нечитаемым взглядом. Потом внезапно сказал:

– Стикс. Меня зовут Стикс. Раз уж мы будем завтракать вместе, можешь называть меня так.

Глава 8

Они вошли в небольшое светлое помещение, перегороженное барной стойкой, в центре которой Айна с удивлением заметила встроенную плиту. Обычную газовую, на четыре конфорки. Стену за стойкой занимали зеркальные полки с дорогим алкоголем, три другие были отделаны деревянными панелями и украшены цветными фотографиями в широких паспарту. Барная стойка – из черного мрамора, высокие круглые стулья – из красной кожи и хрома. В несочетаемости материалов ощущался странный и в то же время чарующий диссонанс.

В дверях Айна немного замешкалась. Ее взгляд прикипел к фотографиям. Это были потрясающе четкие снимки Столпов Творения в туманности Орла, причем сделанные с разных ракурсов. Словно неведомый папарацци бегал вокруг них и щелкал затвором, пытаясь поймать удачный кадр.

Единственное объяснение этим снимкам – обычный фотошоп. Никто не видел у пришельцев космические корабли или иные свехтехнологии.

Но Айна тут же одернула себя: если не видел, это не значит, что их не существует.

– Устраивайся, – элохим кивнул на стулья, а сам прошел за стойку к плите. Откуда-то снизу достал медную джезву. – Как ты относишься к кофе?

Вопрос был внезапным. Она ожидала чего угодно, только не этого, и потому задержалась с ответом.

Оторвавшись от снимков, обернулась к Хасселлю.

Тот не смотрел на нее. Поставил на конфорку чугунную сковороду с просеянным песком. Включил максимальный огонь.

– Эм... Положительно, нувэр Хассель, – пробормотала девушка.

Язык не поворачивался назвать его Стиксом хотя бы в мыслях. Для нее он просто элохим или нувэр Хассель – и не больше. Казалось, стоит ей произнести вслух его имя – и что-то изменится. А она не была уверена, что жаждет каких бы то ни было изменений.

– С сахаром или без?

Он даже не поднял головы. Будто и не заметил заминки. Колдовал над джезвой, отмеряя в нее серебряной ложечкой кофе и специи.

– Без...

– Я люблю с корицей и кардамоном. Иногда, под настроение, кладу мускатный орех, совсем немного, на кончике ножа. Иногда добавляю коньяк и гвоздику.

Она не могла понять, зачем он все это ей говорит. Зачем рассказывает о своих гастрономических предпочтениях? Чего добивается?

– Не беспокойся, – произнес Стикс, не отрываясь от своего занятия. – После завтрака я тебя отвезу.

Знал бы он, о чем она беспокоится!

Айна заняла стул. Сделала вид, что с интересом рассматривает фото, а сама стала искоса наблюдать за хозяином дома.

Он вел себя непринужденно, ничуть не стесняясь присутствия гостыи, будто они давно знакомы и уже не раз завтракали вдвоем. Его поведение обескураживало Айну, сбивало с толку. Не давало сосредоточиться на собственных мыслях. А ведь ей нужно обдумать стратегию. Как остаться в этом доме и не вызвать никаких подозрений? Тем более, если он уже сказал, что отвезет ее домой.

Соблазнить элохима, как сказал Фил? Нет, она вряд ли сможет. Да и каким образом, если она даже не знает, понравилась ли ему? Он держится так, будто не испытывает к ней ни малейшего интереса. Даже не прикоснулся ни разу!

Вот если бы на ее месте оказались Роза или Малена, они бы легко справились, потому что уже не раз проворачивали подобное.

Их устойчивость к наваждению элохимов феноменальна. Десять баллов по шкале Йохансона-Юрге. У самой Айны всего лишь восемь. Имитируя зависимость и полное подчинение, эти девушки проникают в дома элохимов и закрытые клубы, становятся любовницами пришельцев, а заодно и шпионят в пользу Конфронта. Конечно, делают это не в Ермене и всегда тщательно замечают следы. Ермен – это дом, а в доме не гадают.

Айна напрягла память, пытаясь вспомнить, были ли человеческие любовницы у куратора Северной Европы. Но в ее знаниях оказался существенный пробел. Ни одного имени в памяти не всплыло.

– Придется пять минут подождать, – голос элохима заставил девушку оторваться от мыслей. – Я люблю, когда кофе варится медленно. Тогда у него получается особенный вкус.

Подняв голову, он смотрел на нее. Seriously, не улыбаясь. Ей показалось, будто он ждет чего-то.

Но чего?

Что она поддержит разговор?

Черт, Айна! Хватит молчать! Заговори с ним о чем-нибудь или провалишь дело!

Она изобразила вежливое удивление:

– Как любопытно. Могу я узнать, почему вы не пользуетесь кофемашиной?

– Это не то. Кофе – живой напиток. Какой бы хорошей ни была кофеварка, она выдает суррогат.

Девушка мысленно хмыкнула.

Интересно, что он сказал бы о той черной бурде, которая продается на улицах в автоматах? Этот Стикс, похоже, ни разу не пробовал растворимый кофе в картонных стаканчиках. Когда вкус бумаги и жженого порошка перебивает даже привкус затхлой воды.

Но вряд ли ей стоит об этом рассказывать. Лучше перевести разговор на него. Например, спросить, как зовут его ручного песика. Или нет, лучше не надо. Пусть думает, что она всю ночь спала как убитая и ничего не слышала!

Приняв решение, Айна подперла подбородок рукой и уставилась на элохима сквозь полуопущенные ресницы.

– А что еще вам нравится, кроме кофе и вина? – спросила, демонстрируя живой интерес.

– На Земле?

– Эм-м...

– Красивые женщины.

Это можно было принять за намек. Айна решила, что так и есть. Послала «объекту» чарующую улыбку:

– А не на Земле?

Он помедлил. Его взгляд переместился на ее губы, стал оценивающим. Стикс усмехнулся:

– Много вещей, о существовании которых люди даже не подозревают.

– Например?

– Например, отсутствие любопытства.

Это был щелчок по носу. Такой основательный, что заставил Айну смутиться. За все это время люди так и не выяснили, откуда пришли элохимы. Так почему же она решила, что сможет узнать?

– Готово, – перед ней опустилось блюдце, а потом и чашечка с кофе.

Крошечная, почти игрушечная. Из толстостенного розового фарфора. От нее шел божественный аромат, такой, что Айна на миг растерялась.

– Я по утрам не ем, – продолжал элохим, будто не замечая ее замешательства, – но для госты завтрак найдется.

В дальнем углу за стойкой бесшумно открылась дверь. Айна с трудом сдержалась, чтобы не дернуться. Но это была всего лишь женщина. Высокая, статная, средних лет в скромном форменном платье с белым фартуком и такими же нарукавниками. Она вплыла, толкая перед собой хромированную тележку, на которой высился серебряный купол-клоше.

– Ваш завтрак, эрна, – с достоинством королевы незнакомка водрузила купол на стойку перед девушкой.

– Спасибо, Ирида, можешь быть свободна, – ровно произнес хозяин.

Айна чувствовала на себе его взгляд. Неужели заметил что-то?

От этой мысли ее кинуло в жар.

Нет, не должен. Она умеет держать лицо, а эмоции... Их всегда можно списать на волнение. Не каждый же день она завтракает в компании элохима!

– Ирида великолепный повар, – снова заговорил Стикс. Тихо и немного лениво. – Мне повезло, что она согласилась сменить столичный ресторан на мой скромный дом.

Он обошел стойку и приблизился к девушке. Встал за спиной. Так близко, что едва не коснулся ее своей грудью. Зачем-то наклонился, и Айна застыла, чувствуя, как скользит по ее щеке горячее дыхание элохима.

По спине поползли мурашки, а внизу живота появилось странное тянущее чувство. То ли страх, то ли трепет – она не могла понять. Ее дыхание участилось. Щеки залил горячий румянец.

Айна машинально облизала пересохшие губы.

– Из-под ее рук выходят восхитительные панкейки, – хриплый голос прозвучал у самого уха.

Она застыла натянутой струной. Казалось, малейший вдох – и мужские губы обожгут ее кожу прикосновением...

Перед глазами показалась рука. Изящная кисть с сильными длинными пальцами. Нечеловечески белая гладкая кожа. Синий переливающийся кристалл.

Завороженная происходящим, околдованная чувственной близостью элохима, Айна могла лишь смотреть, как он смыкает пальцы на ручке клоше и поднимает крышку.

Под ней действительно оказались панкейки. Целая стопочка пышных поджаристых оладий, политых абрикосовым конфитюром.

Айна уставилась на них в полной прострации. Он снова не коснулся ее! Хотя мог...

Она моргнула, сбрасывая наваждение. И поняла, что рядом уже никто не стоит. Стикс отошел как ни в чем не бывало. А за спиной, где только что ощущалось тепло его тела, царит пустота...

Это был самый странный завтрак в ее жизни.

В Конфронте Айну учили искусству флирта. Это было одной из основных дисциплин для девушек – заинтересовать элохима, увлечь, стать его целью. Но то ли она была нерадивой ученицей, то ли элохим ей достался бракованный, только он в упор не замечал ее робких заигрываний. Зато саму девушку не отпускало ощущение какой-то неправильности в происходящем. Внутри надоедливой осой зудело предчувствие. Что-то было не так. Но что?

Она не могла понять. Лишь чувствовала, что ходит по краю. Что элохим наблюдает за ней даже тогда, когда кажется, что он вообще на нее не смотрит.

А еще в его взгляде, тоне, в каждом движении ей чудилось снисхождение сытого хищника к слабой добыче.

Он играл с ней как кошка с мышкой. То придерживал лапой, то отпускал. И потому ей казалось, что она балансирует на грани. Один неверный шаг – и сорвется.

– Как тебе спалось?

Этот невинный вопрос заставил Айну поперхнуться панкейком.

Пока она кашляла, прикрываясь рукой, Стикс заботливо протянул ей стакан воды и салфетку.

– П-прекрасно, – наконец выдавила из себя, клацая зубами о край стакана. – Спасибо, нувэр Хассель.

– Стикс, – поправил он мягко. – Я настаиваю, чтобы ты называла меня именно так.

– Х-хорошо... С-стикс... – ей пришлось сделать усилие, чтобы вымолвить его имя. – Могу я узнать, почему вы впустили меня?

Уголок его рта дернулся вниз.

– Можешь. Но это не значит, что я отвечу.

– И все же?

Она затаила дыхание.

Но элохим продолжал молча смаковать кофе, в который, как Айна заметила, добавил коньяк, гвоздику и палочку корицы. Он сидел к ней боком, прикрыв глаза и облокотившись на стойку, так что она могла беспрепятственно рассматривать его профиль.

Стикс Хассель был красив, как все его собратья. Красив особенной неземной красотой. Но в понимании Аины его черты были слишком правильными для мужчины, слишком изящными. Она назвала бы их ангельскими, если бы во всем его облике не ощущалась незримая темная сила, которая пугала и отталкивала ее.

Вот уже много лет люди издалека наслаждались красотой элохимов. Восхищались ею, воспевали в поэмах, писали книги, снимали фильмы, сходили по ней с ума. Юные экзальтированные девицы и юноши зачитывались романами, на обложках которых были нарисованы элохимы. Женщины и мужчины постарше воображали себя в постели этих существ.

Но только отчаянные безумцы рисковали приблизиться и прикоснуться. Слишком уж чужая эта красота. Звездная, как сказал кто-то. Обжигающая и в то же время смертельно холодная. Кто-то сгорает в ней, как в огне. Кто-то навеки теряет себя и превращается в овощ.

Пришельцам не понадобилось оружие, чтобы подчинить человечество. Они просто «обаяли» его. С их появлением Земля изменилась. Не стало войн, голода и болезней. Наладилась экология. С экранов телевизоров теперь вещали о всеобщем равенстве и процветании. Но...

Айна знала: все это ложь. Элохимы создали видимость мира. Заповедник, в котором «избранные» могут безнаказанно охотиться на лучшую дичь.

Она слышала много историй о безымянных девушках, которые вошли в дома элохимов и остались там навсегда. Стали зависимыми от пришельцев, от

эмоций, которые те в них будили.

Эти несчастные стали сродни наркоманам. С одной лишь разницей: наркомана еще можно спасти, а человека, попавшего под влияние элохима, лечить бесполезно. Нет такого лекарства. Потому что пришельцы влияют на человеческий мозг. Перекраивают его, подчиняют себе все мысли, желания и стремления, делают своим вечным рабом.

И, конечно же, элохимы знают об этом! Знают, как действуют на людей, и жестоко используют это в собственных целях. Недаром же они ввели ограничения, по которым ни один человек не может приблизиться к ним без разрешения. Но сами постоянно его нарушают!

Так было с ее сестрой... Так было с матерью...

Айна почувствовала, как внутри начала кровоточить старая рана. Боль потери была еще слишком свежа. Даже всех этих лет не хватило, чтобы ее притупить.

Стикс негромко заговорил.

– Я не собирался тебя впускать. Можешь считать это моим капризом, внезапной прихотью. Есть что-то символичное в том, что к моим воротам тебя пригнали именно Псы.

Его тон не изменился. Но Айну пробрала дрожь. Она вдруг обнаружила, что все это время сидела, сжав кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

– Почему? – собственный голос показался чужим.

Стикс повернул голову и окинул ее невидящим взглядом. Казалось, в тот момент его мысли витали где-то далеко за стенами этого дома.

– Я склонен верить в знаки Судьбы. А ты?

Она закусила губу.

– Не знаю... Не думала об этом...

Да, это точно знак Судьбы. То, что она здесь, в доме куратора.

С минуту Стикс смотрел сквозь нее, потом хмыкнул. Его глаза прояснились. Он бросил быстрый взгляд на смарт-браслет и обворожительно улыбнулся:

– У тебя есть десять минут, пока я оденусь.

Отставив недопитый кофе, он поднялся и как ни в чем не бывало прошел мимо Айны. Уже в дверях обернулся, чтобы сказать:

– Мы называем их Столпы Разрушения. Хильсадар Мистралат.

Стикс вышел. Айна осталась сидеть, держа в руках опустевшую чашку и рассеянно глядя на снимки.

Глава 9

Элохим ей попался не только бракованный, но еще и воспитанный до зубовного скрежета. Иначе как объяснить тот факт, что в холле он подал ей куртку, причем чистую, пахнущую свежестью и немного лавандой, а потом терпеливо ждал, пока она застегнется?

Ни Джино, ни Хлои, ни кого-либо еще из прислуги рядом не наблюдалось.

– Твои вещи нуждались в чистке, – сказал Стикс, заметив, что Айна удивленно принохивается. – Хлоя взяла на себя смелость привести их в порядок.

– Вы ей приказали? – переспросила она и тут же поняла, что сморозила глупость.

Ну, с какой стати куратор будет заботиться о ее куртке? Делать ему больше нечего?

– Нет, – он покачал головой. Рука в перчатке толкнула входные двери, пропуская Айну наружу. – Это ее личная инициатива.

Никто из знакомых парней такого не делал. В Конфронте все были равны, на улицах Ермена – тоже. Девушки даже злились, если кто-то из мужчин вдруг начинал относиться к ним как к слабому полу. Они не хотели быть слабыми. Не хотели поблажек.

Но у Стикса это вышло очень естественно. Даже буднично.

Бросив на него изумленный взгляд, Айна шагнула на улицу. В лицо пахнуло ноябрьским морозцем и свежевывпавшим снегом. День обещался быть ясным.

Во дворе, у самого крыльца стоял серебристый четырехколесный монстр обтекаемой формы. Таких огромных машин Айна еще не встречала. На миг она потеряла дар речи. Но еще больше смутилась, когда Стикс обошел ее, открыл пассажирскую дверь и жестом пригласил занять место.

– Мы поедem на этом? – ей понадобилась минута, чтобы справиться с замешательством.

Губы элохима тронула улыбка:

– Почему нет? Ты боишься машин?

– Нет... Вовсе нет.

Тряхнув головой, она с отчаянием камикадзе влезла в двухместный салон.

Стикс наклонился к ней. Почти прижал к спинке сиденья собственным телом. Снова, как и за завтраком, его губы оказались в опасной близости от ее щеки. Запах озона и неведомых пряностей ударил в нос. Горячее мужское дыхание заставило сердце сделать кульбит.

Айна застыла, чувствуя, как в висках бешено бьется пульс. Она ждала, что он поцелует ее. Была почти уверена в этом. Иначе зачем это все?..

Но его губы только мазнули воздух в миллиметре от ее собственных.

Ни слова не говоря, с абсолютно бесстрастным лицом элохим перегнулся через нее, защелкнул ремень безопасности и выпрямился. Захлопнул дверцу с ее стороны и направился к противоположной.

Айна, тихонько выдохнув, проводила его глазами.

Сейчас, в строгом пальто из черного кашемира, что развевалось у его ног двумя длинными фалдами, он был так же красив и притягателен, как в своем домашнем костюме из шелка. И ей предстояло провести с ним почти полчаса в маленьком замкнутом мире автомобиля.

Он играет с ней. Она больше не сомневалась. Играет и намеренно провоцирует. Только зачем? Что мешает ему взять то, что он хочет? Одно прикосновение, один поцелуй, жаркий шепот на ушко – и любая человеческая женщина растечется лужицей у его ног.

Любая, кроме «психоустойчивых» – таких, как она.

Так к чему это представление?

Щелкнул замок. Стикс уселся рядом с ней, заняв сиденье водителя. Его руки в черных перчатках легли на руль. Почти любовно погладили кожаную оплетку.

Айна сглотнула. Ей показалось, что он погладил ее. Почти ощутила это прикосновение.

И тут же, словно откликнувшись на прикосновение элохима, в центре руля включился встроенный дисплей.

– Приветствую, Стикс, – произнес звонкий девичий голос. – Сегодня ты рано. Куда направляемся?

– Южный квартал. Тополиная. Дом... – он бросил на Айну выжидательный взгляд.

– Семнадцать, – выдавила та хриплым тоном.

Голос, прозвучавший из недр приборной панели, заставил ее испытать шок. Кто смеет обращаться к элохиму на «ты»? Только самоубийца!

- Семнадцать, - повторил Стикс.

- Отлично. Маршрут проложен. Хорошей поездки!

Поворот ключа - и под серебристым капотом заурчал мотор. Машина почти беззвучно тронулась с места.

- Это Афина - искусственный интеллект, - усмехнулся Стикс, ловя ошарашенный взгляд пассажирки. - В настройках по умолчанию стоит мужской голос, но мне захотелось персонифицировать ее.

Айна вздрогнула и уставилась в лобовое стекло. От близости элохима, от запахов кожи, озона и еще чего-то пряного, но неузнаваемого, что наполняло салон, у нее кружилась голова, а внутри разливалось странное чувство. Захотелось откинуться на спинку сиденья, расслабиться. Прикрыть глаза и позволить себе плыть по течению.

Захотелось снова почувствовать обжигающее дыхание элохима. Только на этот раз ближе. Гораздо ближе. Почувствовать прикосновение его губ...

Она укусила себя за щеку, чтобы вернуть ясность мысли.

Вот оно - наваждение. Первые признаки.

Нет, это задание не для нее. Стикс Хассель слишком крепкий орешек.

Нужно расстаться с ним как можно быстрее. Вычеркнуть из памяти. А еще лучше на время уехать.

Да, уехать - лучше всего.

Машина покинула двор особняка, свернула на очищенную от снега трассу и понеслась в сторону города сквозь ноябрьский туман. С одной стороны мелькали дома, с другой – лес. Потом дома тоже сменились лесом. Небо над дорогой медленно светлело, наливаясь сизой белизной.

– Почему мы едем по объездной? – напряженно спросила девушка.

– Здесь меньше машин, – Стикс пожал плечами и поймал ее взгляд в зеркале заднего вида. – Расскажи о себе.

– Зачем?

– Ну... скажем так, мне интересно знать, кого я спас.

– Вы можете сами все узнать обо мне.

– Могу, – он подтвердил это тем же будничным тоном, которым говорил о ее куртке. – Но хочу, чтобы ты сама это сделала.

– Мне нечего рассказывать о себе, – Айна зажала ладошки между коленей. Нахохлилась. – Моя биография весьма прозаична.

– Позволь мне об этом судить. Скажи, кто твои родители? Где работают?

Она стиснула зубы. Отвечать не хотелось. Наоборот, возникло желание схватиться за дверцу и выскочить вон.

Как он вообще смеет спрашивать ее о родителях?

Но элохим ждал. Отказаться отвечать на вопрос она не могла. И потому процедила, надеясь, что он не заметит, как дрожит ее голос:

– Они мертвы.

Взгляд элохима изменился. Стал цепким.

– Что с ними случилось?

– Их убили, – выплюнула она с внезапной мстительной радостью.

– И, как я понимаю, это сделал кто-то из моих соплеменников?

– Да! Вы это хотели узнать?

Он ничего не ответил. Перевел взгляд на дорогу, но ей показалось, что в его глазах мелькнуло удовлетворение. Словно он услышал то, что хотел.

Возможно, все так и было.

Больше вопросов не поступало.

Айна повернулась к дверце. В зеркальной окантовке стекла отражался чуть искаженный профиль мужчины. Спокойный, даже немного расслабленный. Похоже, его совершенно не тронули ни ее слова, ни резкость, с которой она их выплюнула.

А в памяти снова всплыл тот ужасный день. Единственный, о котором она с радостью бы забыла. Если б могла.

В тот день, пять лет назад, стояла хорошая погода, хотя с утра синоптики обещали дождь. Была середина марта – по-весеннему теплая, с первой пробивающейся на газонах травой, с первыми клейкими почками. С невероятно высоким синим прозрачным небом.

Айна спешила домой с последней пары. В прошлом году она только окончила школу, а осенью поступила в медколледж.

Подружки звали гулять: предлагали отправиться в парк на пикник или спуститься к озеру, покормить лебедей...

Но она спешила домой.

Ведь сегодня особенный день – двадцатая годовщина свадьбы родителей. И мама ждет, что Айна поможет ей приготовить черничный пирог...

Погруженная в свои мысли, она не заметила ни густой черной дым над домами, ни пронесшуюся мимо вереницу пожарных машин. Даже пронзительный звук сирен скользнул мимо сознания. Ну, подумаешь, где-то что-то горит. Потушат.

А потом зазвонил телефон в рюкзаке.

Пришлось сбавить скорость. Остановившись на перекрестке, Айна ответила на звонок.

– Алло?

– Айна Девьяри? – сухой мужской голос был ей незнаком, как и номер, с которого он звонил.

– Да?

Нехорошее предчувствие всколыхнулось в груди. Заставило сердце ёкнуть.

– Вы проживаете по адресу Рилтхан шестнадцать?

– А что случилось?

– В вашем доме произошел взрыв бытового газа.

Айна недоуменно моргнула. На ресницах словно осела черная пелена. Заволокла улицу, проезжающие мимо машины, людей...

Мир отдалился. Стал смазанным фоном, на котором ярким пятном выделялась она... да еще чужой усталый голос.

- Это... это какая-то шутка? - прошептала в трубку, надеясь на чудо.

Но надежда была грубо разбита:

- Все, кто находился в доме на момент взрыва, погибли. Мы сочувствуем вашей утрате.

Эти слова были последним, что она запомнила. Дальше в памяти - полный провал, заполненный черным клубящимся дымом.

Спустя время Айна обнаружила себя сидящей на обугленных досках и бездумно смотрящей на то, что осталось от ее дома.

Она не помнила, как прошла два квартала, как попала во двор, полный спасательной техники. Как к ней подошел констебль с папкой в руках. Что-то спрашивал, задавал одни и те же вопросы. Потом появились соседи со скорбными лицами. Говорили пустые слова утешения.

Айна не помнила ничего. Она просто сидела, а по щекам, вперемешку с грязью и копотью, текли беззвучные слезы.

Позже, уже в Конфронте Айна узнала, что взрыв произошел не случайно. Пока она была в колледже, в их дом приходил элохим. Он шел за ее сестрой от самой школы. Шестнадцатилетняя Марта была очень красива. Настоящая скандинавская блондинка, голубоглазая и светлокожая - вся в мать. А вот Айна пошла в отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/uglickaya_alina/navazhdenie-proklyatye-elohimy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)